

СМЕНА

10

1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото Б. Приходько и В. Бехтина.

Молодые патриоты

ЛЕНА БУРЛАКОВА

Лене Бурлаковой было до слёз обидно, когда её не приняли в комсомол. Подругам по классу в райкоме вручили комсомольские билеты, а ей — нет. Причина отвода заключалась в том, что Бурлаковой не было... полных четырнадцати лет. Не хватало каких-то шести месяцев. И хотя Лена понимала, что в райкоме приём не проходит, она всё же надеялась, что будет рада, когда в октябре 1948 года в день 30-летия ленинско-сталинского комсомола ей вручат красную книжку с изображением Владимира Ильича Ленина! Лена стала комсомолкой!

Это было почти пять лет тому назад. Тогда Лена училась в восьмом классе 172-й школы Москвы. Сейчас она студентка второго курса химического факультета Московского университета, отличница учёбы, сталинский стипендиат, секретарь курсового бюро комсомола.

...Уже в восьмом классе Лена твёрдо решила стать химиком. Девушку влекло к экспериментам и опытам. Часто после уроков она с подружками самостоятельно проводила различные химические опыты. Невозможно вообразить, сколько раз Лена вставала из-за жары, сору и материя... Иногда Лене казалось, что, приводя опыты, они сделали открытие, но увы! — это были простые и обыкновенные реакции, давно и хорошо известные в химии.

Школу Лена окончила с золотой медалью. Подала заявление в МГУ и была принята на химический факультет. В дни сдачи приёмных экзаменов Лена приходила в университет и, стоя у дверей аудиторий, с волнением слушала ответы своих подруг, за которых переживали не меньше, чем за себя.

Но вот прошли тревоги и волнения. Настал день, когда Лена впервые вошла в аудиторию университета и записалась на первые лекции профессоров. Она невольно почувствовала себя взрослее, серьёзнее.

На курсе собирались акции разных национальностей, со всех концов Советского Союза. У Лены появились новые друзья и товарищи. На первом же комсомольском перевыборном собрании её избрали в состав факультетского бюро.

Нужно было оживить культурно-массовую работу, сделать доклад студентов интересным и полезным. За это энергично взялась Лена. Были созданы хоровой, танцевальный и другие кружки. Результаты не замедлили сказаться. На смотре художественной самодеятельности университета факультет с последним местом перешагнул на первое. Это было здорово!

В начале нового учебного года Лена единогласно избрана секретарём курсового бюро. Второй курс на факультете большой, он насчитывает 250 человек, и самой молодой среди них является восемнадцатилетняя Лена Бурлакова. Она одна из лучших студенток и всегда охотно помогает отстающим.

Но не только за это любят Лену Бурлакову её однокурсники. Она оправдала их доверие и как секретарь курсового бюро комсомола.

Оказалось, что некоторые студенты плохо относятся к своим товарищам, не понимают, а подчас опошлывают чувства любви и дружбы. Был случай, когда двоих студентов за нарушение правил общежития исключили из комсомола, а потом и из университета.

Легу это очень беспокоило.

Поговорить с каждым в отдельности? Но что дадут такие «исполнители»?

Бурлакова внесла предложение провести на курсе комсомольское собрание на тему «Моральный облик молодого советского человека».

Доклад был поручен студенту-комсомольцу Мокроусову. И доклад и выступления студентов строились в основном на событиях последних дней в жизни курса. Собрание прошло интересно. Оно заставило некоторых комсомольцев серьёзно подумать о себе, о способах поведения, о том, каким образом оценить отношение друг к другу. После этого собрания Асия закончила гордиться тем, что комсомольцы на курсе служились.

— Вот вам и самый молодой секретарь! — говорили о ней на других курсах. — «Стариков» не уступят.

Лена занята не только учёбой и общественной работой. Она активный член научного студенческого общества. В середине апреля на курсе проводилась студенческая теоретическая конференция.

К этой конференции Лена подготовила интересный доклад на тему «Хроматографический метод анализа».

Скоро химический факультет вместе со всем Университетом станет столицей химии в Азиатских городах. Лена и её товарищи уже несколько раз участвовали в воскресниках на строительстве. В прошлом году они копали канавы для гранитных плит вдоль будущих аллей, имели для деревьев, в этом году делали газоны, ухаживали за саженцами.

Осенняя белизна сверкает величественным зданием университета. После воскресников студенты задерживались у учебных корпусов, где уже начали размещать оборудование лабораторий и кабинетов. Сколько здесь велось разговоров о том времени, когда они станут полными хозяевами этого прекрасного дворца! Ведь осенью они придут сюда старше курсом и возрастом.

Смотрите, ребята, — говорит Лена Бурлакова своим товарищам, — в новое здание мы должны прийти новыми людьми. Здесь надо учиться только на «отлично»!

Ю. БАБИКОВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Май, № 10. 1953 год.

Уральский политехнический институт имени С. М. Кирова.
Кафедра технологии металлов. На снимке: ассистент
кафедры С. В. Рылов со студентами первого курса.
Фото Ю. Чернышова

Год
издания
30-й

МЕЩЕРА

ИЗ ЦИКЛА СТИХОВ

Секретарь райкома

Луч зари пробивается робко.
Пахнет утро смолистым дымком.
Говорят, все дороги и тропки
непременно
приводят в райком.
Так и есть!
Спят посёлок ёщё,
а уж сходятся
в зале райкома

лесоводы мещерских чащоб,
зоотехники
и агрономы.
...Были курачты.
И Родины гимн
раздаётся в предутренней рани.
И наполнена ветром тугим
запахом в оконной раме.
Карту взял секретарь —
весь район
видит,
как у себя на ладони.

Баллада о мелиораторе

Мещерские мшары...
Трясины болот.
Осколки кудлатая чаща.
Ни хода,
ни лаза.
Недаром народ
называл это место пропащим.
Недаром
сюда с незапамятных пор
пути
никому не знакомы.
Но
вспомнился юноше
разговор
с секретарём райкома:
— Отныне
за каждый кочок земли,
за каждую горстку ратуй,
чтоб травы росли,
чтоб луга цветли;
ты ведь мелиоратор!
Первыми
были его шаги
среди глухомани мокрой.
Всюду пудовые сплоги,
облещены глинистою охрой.
До крови хлестала лица куга.

С землянками беседует он
о колхозных стадах, о надое.
— Чем Мещера для нас дорога?
Первоначально —
это луга!
Мы покончим с трясиной авеки.
Пусть выходят стада на траву.
И не в сказке тогда — назыву
здесь пользуются молочными реки.

Люди знают:
день не даёт,
хоть сражаться с болотом
не просто.
Секретарь услыхал гудок...
Снова «эмка» глашает настыры.
И во всех деревенских окрестах,
и в полях, где желает озимь,
и на стройке колхозной ГЭС,
и в стахановском леспромхозе,
и в лесу, где дорогу торят,
и на минах, где сушат болота, —
всюду

видят

секретаря:
обо всем у него забота.
Он лишь к ночи вернётся в райком,
все дороги в районе изъездил,
наклонясь над рабочими столами,
развернёт директивы паркезеда.
Тихо книга листами шуршит.
Ровно лампы настольной горенье.
Мудрый Сталин с портретом глядит.
В добрый путь!

К новым дням!

В наступленье!

В глазах
мошкиара
кишела.
Но верили люди:
болоту пропасть —
здесь
клевер поднимается сочный.
И грызла канавокопателя пасть
болотную ржавую почву.
...Сегодня
июль
и мальчики снегок
разнесли по лугам ковровым.
Колхозный пастух вынимает рожок,
побудку играет коровам.
И стадо,
бречиа бубенцами,
плывёт
в просторы, пропахшие мяты...
Как прежде,
в дороге
встречает восход
настойчивый мелиоратор.
По минарам быльям,
по трясинам быльям
идёт он —
и слезы,
и справа
простёрлась
земля, сотворённая им,
вся
в солнце,
в цветах
и травах.

Рождение дороги

Мы на заре
вступили в бор дремучий,
где плотной хвойей небо заросло, —
зелёные изломчатые тучи
над нами нависали тяжело.
Мы шагали энергой.
Но затянулись тропы
в лесах,
что зечный сумрак берегут.
Вокруг —
лишь сосен недовольный рожот
да ельника тревожный перегуд.

А нам хотелось,
что здесь звучали
гудки машин
да песен голоса.
И шёл
с теодолитом за плечами
дорожный мастер в хмурье леса.
Он путь торка.
Он знал, что броскость вправе
свой смелый вызов

тайнам лесным.

Казалось нам:
лишь плечи он не расправит –
расступится
чащоба

перед ним.

Леса зовут

Летний рассвет
перепалкой птичий
роши окрестные веплоши.

Словя торопится в путь лесничий –
край Мешёрского старожил.

Вот он.

Шинель на нём нараспашку.
Синя седина побелила виски.
На полинялый его фуражке –
медные вырезанные листки.

Два лесовода шагают рядом
(только окончили институт).

Всё им в Мешёре
разведать надо,

всё им сегодня

в новику тут!

И рассступаются дубравы,
плещут дубы молодой листвой,
да шелестят под ногами травы,
густо посыпаны росой...

В хвойных мохнатых папахах сверху,
снизу в обмотках тугой коры,
сосны становятся на поверху,
тучей ветвей небосвод закры.

Взгляд у лесничего станет светел.

Гордо и веско звучат слова:

«Взял из птичника сосны эти.

Были они до колен сдава».

Вспомнил лесничий, как стужей ярой
здесь он в сугробах бродил крутых,
избыточных излем, борясь с пожаром,
чудом одним

остался в живых.

Годы употребства,

работы годы

в шуме деревьев не молчат здесь.
Скажем лесничий: «Вам, лесоводы,
всё это надобно знать, учесть».

Что ж,

молодые друзья готовы.

Время настало. Леса зовут!

Здравствуй,

засланный,

большой,

суровый

труд лесоводов –

частливый труд!

г. Рязань.

Таня Гришко и Нина Шулак в биологическом кабинете школы.

И. КОБЗЕВ

ШЕСТЬНАДЦАТАЯ ВЕСНА

Девочка-подросток идёт по улице. В руке она держит клеёнчатый школьный портфель. У неё, как у многих девочек этого возраста, немножко угловатая фигура. Лёгкое пальто ей коротко.

С любопытством смотрит она на все серёзные, гудубыми глазами.

Рядом с ней птицы щебет, брызжет из-под каринок городской домик. Сиреневые простились в воздухе звонкие шмелевки.

По краям улицы в три ряда густой гребенкой выстроились тополя. Их синие тени написаны пересекли мостовой.

«Хорошо, что в городе столько деревьев, — думает девочка. — Только зачем молодые деревца возле клуба так коротко подстрижены? Они стали похожи на катушки».

На кустах и деревьях уже показались первые листочки. Вернее, не листочки, а крохотные зелёные ушки высунулись на свет и приплюснуваются: не веет ли холодный ветер?

А Конопот уже заметает белая пурга цветущих садов. В парках, в садах, на пришкольном чирчукинском участке начались весенние работы.

В эту душную пору весны Нине особенно нравится родной город. Сколько здесь фруктовых садов! Всёе каждого дома работы курами, посажены розы, дикий виноград, сирень.

Какие красивые есть в Конопоте дома! Старины из жёлтого-зелёного изразцового кирпича, точно отлитые из бронзы. И рядом — стройные новые здания, окрашенные в нежноголубой цвет.

Мимо со звоном промчался красный новенький трамвай.

В садике перед домом старик, сидя на скамейке, смотрит с любовью свою седую бороду.

Рядом на прыскавшей тротуаре девочки в ярких плащах прыгают цветущие бабочки. Нина уже вышла из этого возраста. Она с равнодушным видом проходит мимо.

А вот, замечает она, как, склонившись над деревянной лавочкой, худощавый малышик увлечьтесь стеклом выложил на доске чёрные дымящиеся буквы: «Любаг».

Нина подумала, что и у них в классе девочки начинают на переменах о чём-то таинственно шептаться. Ей вспомнилось испуганное, залитое краской лицо Светланы Кутузовой, когда учительница отобрала у той на уроке смытый

листок бумаги. На нём было изображено похожее на равнобедренный треугольник, пронзённое стрелой сердце, а ниже стояла подпись с грамматической ошибкой: «Сердце, тебе не хочется покоя!»

И вот Нина, как и все другие девушки с мальчиками, конечно, можно, но писать такие записочки — это всё глупости. Но тут же она с удовольствием вспоминает, что дома ждёт её раскрытия на самом интересном месте повесть Тургенева «Первая любовь».

— Нина! Нина! — неожиданно слышит она сзади.

Размахивая портфелем, ей догоняет одноклассница и подруга Лара Челядина. Лица у Лары раскраснелись. Белые лыжные косы вились из-под шапочки. Пальто надето поверх пуховике, нараспашку.

— Нехорошо, Нина! Почему ты за меня не запила? — Ларино курносое лицо выражает смертельную обиду. — Так настоящие девушки не поступают. Хорошо, что я тебя в окно увидела!

Не обижайся... Просто я хотела до школы немножко погулять.

— Вот и неправда! — разинуло упреком Лары. Я знаю, это Сущко тебе подговаривает, чтобы ты дружил не со мной, а с ней.

— Ничего подобного. Сущко мне только помогала по алгебре. Но всё равно ты моя лучшая подруга.

При этих словах Ларина обида моментально улетучилась.

Обе подружки идут рядом, вилисьсь за руки, и наперевес рассказывают друг другу последнее новость.

Лара, знаешь, вчера я получила письмо из Болгарии. Болгарские девочки хотят завязать с нами переписку, спрашивают, как проходят у нас комсомольские собрания, какие мы читаем книги. Они собираются провести у себя собрание на тему: «Жизнь детей в Советском Союзе».

Подруги говорят о школе, об учителях, о будущем.

Ближайшее будущее — весенние экзамены. Правда, немножко страшно, но страх какой-то приятный. В пору экзаменов, в мае, расцветает палисадников спирея, и тогда вся школа, все классы и коридоры превращаются в оранжереи.

Учителя стараются быть строгими, но девочки отлично понимают, что это они только делают вид, а на самом деле и они радостны и взъевлены.

Ну, а после экзаменов... Походы в древний Путинь, где когда-то плакали на городской стене Ярославия, в Сладчакий лес, укрывавший партизан Ковпака. Встречи с героями Отечественной войны, ночевки в палатках, костры. А дальше опять уроки, книги...

Затем наступит день, когда седенька Нинка тёта Маруся торжественно вынесет во

двор большой медный колокольчик с красным шпильковым балтом и произвонит для них, дескать классники, «последний звонок». И, по обычаю школы, к каждой из выпускниц подойдёт крахмальная переласканица и приколет на грудь белый ленточек.

Потом выпускной вечер... Оркестр. Танцы. Подарок на каждой парте. И долгий откровенный разговор с добрыми учительницами:

«А помните, Лидия Васильевна...»

«А помните...»

И вот обе они — Нина Шулак и Лариса Челядина — едут в Москву держать экзамены в медицинский институт. Примут ли? Наверняка примут. Не зря же такими внимательными, придирчивыми и строгими были их учительницы!

И наконец станет Нина врачом. Она очень внимательно будет относиться к каждому больному, чутко выслушивать, волноваться за каждого. Она уверена, что все её больные немножко будут быстро выздоравливать!..

...Первым уроком в седьмом «В» была украинская литература.

Старый учитель Спиридон Михайлович неторопливой походкой вошёл в класс, поверх очков осмотрел учеников и, смешно шевеля оранжевыми губами, сказал:

— Добрый день.
— Добрый! — хороши ответили поднявшаяся девочка.

— Кого нет в классе?
— В классе все! — чётко доложила дежурная по классу Лариса Челядина.

— Вот и добрей!
Спиридон Михайлович раскрывает журнал:

— Сунуло!
С места поднялась девочка с исками глазами.
— Прочитай заданное стихотворение, — сказал учитель.

Ладонь читает громко, выразительно, с большими волнениями.

В классной комнате тепло и солнечно. Время в юности воротило весенний ветерок геребит выпавшими деревенскими лёгкими занавесками.

В коридоре тоже. Кажется, будто слышно, как бьются все двадцать молодых сердец.

Нина замечает, что часто взгляды подруг обращаются к ней. Все они знают, что Нина Шулак, подобно пионерке, героине стихотворения, грозила смерть, но забота Родины спасла ей жизнь.

...О том, как была спасена её жизнь, Нина Шулак впервые услышала от своей мамы, когда была ещё совсем маленькой.

Подруги Нины узнали об этом не от неё. Волнистое, которое она всегда испытывает при упоминании о случившемся, не даёт ей говорить.

рить. Девочки в школе об этом рассказали учителя. А некоторым о судьбе Нины Шулак стало известно из пионерских журналов, из стихов, поэм. Все эти рассказы, поэмы и стихи, оказывается, связаны с тихой, застенчивой девочкой, с которой не раз они встречались в коридорах своей школы, вместе пели в хоровом кружке.

Выывает, вечером Нина ласково прижмётся к матери и тихо попросит её повторить всё снова.

Четырнадцать лет прошло с того дня. Однако Анна Никитична помнит его отчётливо, как будто это случилось только вчера.

Тогда тоже в воздухе висело весной, расцвевали сады, люди готовились к майскому празднику. А у Нины не было сине и двух лет.

У девочки боли собирались на кончике длинных зрачков. Диагноз был тяжёлым: одновременно воспаление мозговых оболочек, воспаление среднего уха и двустороннее воспаление лёгких. Чтобы спасти ребёнка работница Шулак, в Кролевец, где жила тогда Анна Никитична, по вызову района партии приехал из Киева специалист. Разведя руки, он сказал:

— При таком заболевании из сна остаётся в живых один.

Врач прописал лекарства и уехал.

К вечеру ребёнку стало совсем плохо. Потерявшая надежду мать, сидя возле кровати, беспомощно теребила в руках большого белесового медведя-конжа. Тяжесть уже не понимала.

В тот же вечер Анна Никитична отправила телеграмму-молнию в Москву, в Кремль: «Дорогой товарищ Сталин, умирает моя единственная дочь. Умоляю спасти, выслать профессора».

Вскоре она получила ответ: «Как вам выслан специалист. Известите выполнение и состояния здоровья ребёнка».

А через четырнадцать часов после того, как она отправила телеграмму, утром, когда жители Кролевца собирались на площади на первомайский митинг, в воздухе пахнула гул мотора.

Прилетевший на самолёте врач сделал сложную операцию. Маленькая Нина Шулак осталась жить. Через три месяца она была совсем здорова.

Ежегодно Нина Шулак получает сотни писем. Девочки и мальчики из самых отдалённых уголков страны спрашивают Нину о её здоровье, об учёбе, предлагают дружбу.

«В какое счастливое время мы живём! — пишут ребята в этих письмах. — Мы живём в государстве, которое много заботится о людях, и особенно о детях».

г. Конотоп, УССР.

Николай СТАРШИНОВ

Дружба

Город лёгкой дымкой окутан.
В небе синем звезд полны-полно.
Спят мои друзья по институту —
в нашем общежитии темно.

Видят Елисеев тувинец Самба.
Спят казах Бекхажин, как батыр..
Только у окна с настольной лампой
всё ещё сидят румын Сафири.

Он увидел так, что не заметил,
как я подошёл к нему тайком:
— Ты чего это не спишь, пристин?

1 Принти — по-румынски товарищ друг.

— Занимаюсь русским языком.
Что такое значит это слово?
— Ну-ка, покажи, о чём тут речь?
— Вот спасибо, значит, всё готово.
Я теперь могу спокойно лечь.

...Он удаётся, но ему не спится:
— Знаешь, что я думаю сейчас?
Я попал в Москву из-за границы.
я живу, как дома, среди вас.
Вы мне стали лучшими друзьями...

...За окном распахнутым — вдали
Голубые вспышки над домами —
Первые троллейбусы пошли...

Л. ФЕДОРОВА

ПОДРУГИ

Десятый «второй» был самым дружным классом. Когда его хвалили на школьном комитете, комиссия класса Ирина Захарова с удовольствием открыла «окончательно» улыбку:

— Но мы же подруги. Как же тут иначе?

Но в «классе подруг» были подруги, которых называли задушевными: Лена Полтева, Валя Семёнова, Ирина Захарова и Марина Худкова были необычайно близки. Они любили уединяться в общежитии, проводить свободные часы, часто собираясь по вечерам в просторной комнате Марини. Сюда же приходили и другие девочки, в том числе Оля Ситникова.

О чём только в этой комнате не говорилось, о чём не мечтались! И было во всех разговорах одна особенность. Что бы ни говорили подруги-десантницами, они бы смело ни мечтали они... — никто из них не знал, что это за чудо.

За десять лет друзья девушки хорошо узнали друг друга. И когда пришла пора расстаться со школой, им оставалось высматривать от найденной работы, какую бы выбрать, чтобы не оставить пустые руки.

— Неужели ты об этом никогда не думала? — сожалению спрашивала девушку.

— Думала, конечно, — отвечала Валя. — Но понимаю ничего не решу.

А Валя видела себя то в белом халате врача, то инженером-кораблестроителем, то танкисткой, голубогрудой, то даже королевой, так хороши!

Не зная, на какой остановке сделать свой выбор. И Валя немножко извивала Марине, которая твёрдо сказала: «Уеду в самую глубь учительницы!» хотя сама рассудительней из подруг — Лена Полтева — заметила:

— Ты же будешь учителем, а я буду работать в институте.

У самой Лены выбор профессии был давно сделан: она будет ботаником-мичуринцем, как отец.

И Марина, и Валентина, и сама жизнь говорили десятиклассницам одно: Родина ждёт их дарования, их трудовых подвигов. Для них открыты все двери.

А в день окончания школы, когда в числе медалистов из десятого физико-математического класса оказались и наши подруги, Валя Семёнова сказала одноклассницам:

— Девочки, я иду в медицинский...

Это было в 1947 году в 156-й ленинградской средней школе.

ДЕВУШКА С ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ

На биологического факультета университета Лена Полтева как медальщику пришла без истерик и экзаменов. И хотя Лена не боялась экзамена, всё же ей стало страшно. А вдруг бы она растерялась? Ведь это просто вуз, а университет.

Теперь же терпеливо скорее попасть в аудитории, познакомиться с новыми товарищами, с профессорами. И такой день настал. Даже сейчас, шесть лет спустя, она помнит его до малейших подробностей.

Университет был таким, как она его себе и представляла. Просторный коридор с бесконечными застеклёнными стендами книг; тишина на лабораторий; шумные перерывы споры на подоконниках и традиционные курсовые вечера под названием «Говорят наши курсы».

Из 156-й школы в университет поступили ещё несколько человек. Иногда на занятиях Лена ехала в одном трамвае со своими старыми подругами: Ириной Захаровой — будущим физиком — Мариной Худковой — физиологом.

Десятиклассники виделись. А каждую первую субботу февраля они приходили на традиционный вечер в школу. Там их поминали, любили. Десятиклассники в честь их прихода выпускали стендгазету, просили студенток рассказать, чем они сейчас занимаются, советовались с ними, какую лучше всего выбрать профессию. И кто не приходил в школу, каждый хвалил свой институт, доказывал, что лучше его специальности нет. С рассказом о своей биографии выступила однажды и Лена.

В 1952 году Лена Полтева окончила университет с отличием. Наступил новый этап в её жизни — аспирантура при кафедре физиологии растений.

С свободного места Лена — охотница по веселью, попеть. Есть у неё любимая песня «Михаэльская», сложенная студентами на строительство Краснодарской ГЭС в Ейском районе. В память об этих днях в Лене остались и целый альбом фотографий, посмотреть которые к ней домой иногда наведывалась Ирина Захарова — инженер на одном из ленинградских заводов.

— Ну, как, — спрашивает ей Лена — доволна своей профессией?

— Профессиональной доволна, жизнью доволна, что с собой повинилась, тоже доволна, — шутливо говорит Ирина. — Давай споём нашу «Михаэльскую».

Михаэльская! Она памятна ещё и потому, что там, работая в колхозе, они услышали по радио постановление правительства о строительстве Куйбышевской ГЭС. Дружное «ура» разнеслось по студенческой стройке. Особенно радовались студенты физического и механико-математического факультетов. Уж кому-кому, а им-то определено предстояло строить гигантскую плотину! Лена думала о своей специальности: ботаникам-мичуринцам тоже предстояла большая дела. Ведь это только начало генерального наступления на природу.

Девушки листают альбом. На любительских фотографиях не без юмора запечатлены события из жизни студентов-строителей.

И многие из друзей трудятся сейчас на различных стройках, в сёлах, на заводах. А ведь об этом тогда только мечтали. Негромкая песня подруг идёт к концу:

Это многое проходит.
И в обратный поход
Нас проводят желтогорлый лес,
Нашли песни труда
Подают проводы
Михаэльской студенческой ГЭС.

Школьные подруги часто встречаются.

Здесь же, в альбоме, лежит поётная грамота, выданная студентке Елене Полтевой обкомом комсомола.

— Первая трудовая похвала, — задумчиво говорит Ирина. — У тебя в жизни их, наверное, будет немало.

Да, аспиранта Лена Полтева — человек твёрдой воли, хороший цели. Первую свою практическую работу по исследованию сортовых семян озимой и яровой пшеницы она будет проводить нынешним летом на Одесской селекционной генетической станции. Этой теме посвящена её кандидатская диссертация. Лена торопится сократить сроки сдачи экзаменов кандидатского минимума. Почему бы не сдать их на полгода раньше?

Как вы смотрите на это, Сергей Дмитриевич? — спрашивает Лена заведующего кафедрой, член-корреспондент Академии наук профессора Львова.

Профессор много видел на своём веку нетерпеливых, рвущихся к тайям науки юношей и девушек. Не всем по силам такие темы, но в этой смуглой, крепкой девушке он уверен.

— На полгода раньше? Что ж, я на это смотрю положительно!

В ДАЛЬНЕЙ СТАНИЦЕ

Вот уже скоро год на улицу Красной конинцы, где живёт Лена Полтева, приходят письма из Краснодарского края. Первое письмо вызвало у девушки недоумение: нет у неё знакомых в станции Должанской. Всёкрыла — и видит радостный заголовок: «Да это же Марина!» В конверте вместе с письмом карточка Жорика: большеглазый, с упрямым лбом.

Так называлась старая школьная дружба Лены Полтевой и Марини Худковой, и стала она ей теплея.

— В день распределения выпускников Марина в университете приглашена была: внезапно заболел сынинка. Первомай! Разде можно ею кому-нибудь доверить?

— Не знаю, куда назначение получила, — сокрушается мать. — Скажут: не принцесса, — значит, ей всё равно.

— Ничего, мама, — успокаивает её Марина. — Мне как раз достанется то, о чём я мечтала.

— Да ведь если далеко, я к тебе и приехать не смогу.

— Приедешь с Иваном. А мы с Жориком покидаём пока самостоятельн.

Догадалась ей Марина, что Должанская, которая приютилась на берегу Азовского моря. От Ейска примерно шестьдесят километров.

Тот же день она написала письмо директору школы, в которую её направили. Ответ пришёл скоро, и такой хороший, что Марина сразу заторопилась с отъездом.

Бёшёй и книж набралось очень много.

— Зачем ты берёшь всё? — удивлялась мать.

— Сначала. Вдруг не понравится?

— Понравится, мама! Всё идёт, как задумано.

Её не смущала ни разлука с мужем, который собирался приехать к ней по окончании педиатрического факультета, ни то, что на её руках будет маленький сын. Марина хотела начать самостоятельную жизнь с трудностями, которые надо преодолевать.

Почти каждую неделю, когда почтальон приносил письмо из станции Долганска, казалось: домой возвращалась сама Марина, живая, порывистая, с быстрым взмахом ресниц, от которых серые глаза кажутся тёмными. В семье знают, как зовут всех преподавателей школы, кто из них больше помогает неопытной юной Марине, какой ученик написал лучшее сочинение...

Чем ближе к весне, тем радостней становились письма Марине.

«Вчера была у трактористов», — писала она матери, — «делала доклад о лирике Маяковского. Потом — у моряков. Сколько было вопросов!»

И в конце письма наказывала малайской сестрёнке: передать привет любимым учителям и вообще всей бригаде школы. И писала учительнице в станице Много хороших людей, которых она знает из малознакомых встреч.

Марина любит не только за то, что она среди них пока единственный посланец Ленинградского университета. Марина щепта сердцем, умеет отдавать себя народному делу без остатка. Для этого у неё достаточно знаний, а опытом с ней делятся другие.

У Вали Семёновой только что окончилось дипломство в палатах. Результат своих наблюдений она докладывала научному руководителю доценту Биниевской.

«Дорогая Лена, — пишет она школьной подруге, — конечно, я скучаю по родным местам, но чувствую, что если уеду отсюда, то буду скучать по Долганску ещё больше. Сейчас я в школе только что не скучую, присоединяюсь к литературным конференциям, выпускаю с ребятами газету, занимаясь с литературистским кружком. Ты не представляешь себе, как я рада, что стала сельской учительницей! Хорошо трудиться в дружном коллективе! У меня сейчас воспитательная работа в 5-м классе, и я хочу довести этот класс до десятого. С ним много хлопот, но меня это не пугает... И как они увлекаются литературой! Мы переписываемся даже с кем из писателей.

Как дела с дипломом у Вали Семёновой? Как живёт молодая чета Недзвецких? Ведь, кажется, такая сейчас фамилия у нашей Иринки?

Лена Полтева откладывает письмо в сторону, берёт телефонную трубку. И в самом деле: как у них дела?

МОЛОДЫЕ АРХИТЕКТОРЫ

Из окон мастерской дипломников архитектурного факультета института имени Репина видна широкая гладь реки, уходящая вдаль набережной...

У дипломников горячая пора. Сюда, в мастерскую, заходят друзья, знакомые. Ведь застать дипломника дома нет никакой надежды. Всё

отдано мольберту. Мастерская разделена на десятки маленьких мастерских, где, отгороженные друг от друга фанерными щитами, творят, соединяют молодые архитекторы.

Здесь, возле проекта нового санатория в Сочи, и нашла Ольгу Ситникова две её школьные подруги. Тишина мастерской сразу наполнилась радостными воскликами:

— Лена! Какими судьбами?

— Валя Семёнова? Вот неожиданность!

— Пришли посмотреть на твой дипломный проект. Ну-ка, ну-ка! Но ботаник Лена Полтева и её подруга-медичка Валя Семёнова смотрели больше на автора проекта. Наглядевшись на подругу, девушки обращаются к мольберту.

— Красивый, ставят оценку санаторию гости! — Решено: приедем в неё отдохнуть.

— Где разместится лечебный корпус? — интересуется Валя Семёнова. Она тоже дипломница, заканчивает медицинский, как говорится, без пяти минут врач.

Молодой архитектор проводит своих гостей по приморскому шоссе до парка, в санаторий. Он необычен, этот белый дворец с воздушной аркой, павильонами.

— Какого размера будут комнаты? — деловито спрашивает Валя.

— Однокомнатные метров на одного и двадцать на двух.

— Двадцать? — удивляется Лена. — Не слишком ли это щедро?

— Ничего, — говорит Ольга. — Люди отыскивают.

В мастерской Академии архитектуры Игоря Ивановича Фомин. Он внимательно осматривает проект и удовлетворённо кивает головой. Смеясь рука у этой девушки, а для зодчего это — главное.

Через три месяца Ольга Ситникова, которую, пожарное, ещё помнят в кружке ИЗО Дворца пионеров, получит диплом архитектора-художника. Ей предстоит строить новые города, менять облик старых. И может быть, придётся созидать не только в родной стране. Ведь посыпались же из прошлогоднего выпуска двух человек в Барнаул строить Дворец дружбы.

За годы учёбы Ольга хорошо успевала по скандинавице, живописи. Некоторые её курсовые работы отмечались на студенческих конкурсах.

Долго пробиралась в мастерской одна из гостей. Они посмотрели и работы писательницы Светланы Смирновой в Сочи, проектировали ещё две студии. Все три санатория выглядят по-разному, хотя строятся они на одном месте и принадлежат одному ведомству. Гостям хотелось, чтобы выбор пал на проект их подруги, и она потихоньку шепнула ей своё пожелание.

Ольга во многом осталась прежней. Но за годы учёбы в институте привыклились в ней новые черточки, как к дереву привыкаются новые ветви, корни. Ольга повзрослая. Повзрослая и Лена с Валей. Это было особенно заметно при встрече друзей, давно не видавших друг друга.

Выходя из Академии архитектуры, где помешается институт Репина, девушки стали прощаться.

— Марина! Художница, — заявила Лена рождения, — напомнила Вале Семёновой. Да, это подруга её телепатруля.

— Вообще хорошо бы к ней летом съездить, — сказала Лена. — Море у неё там, сады... Вспомнили бы нашу школу.

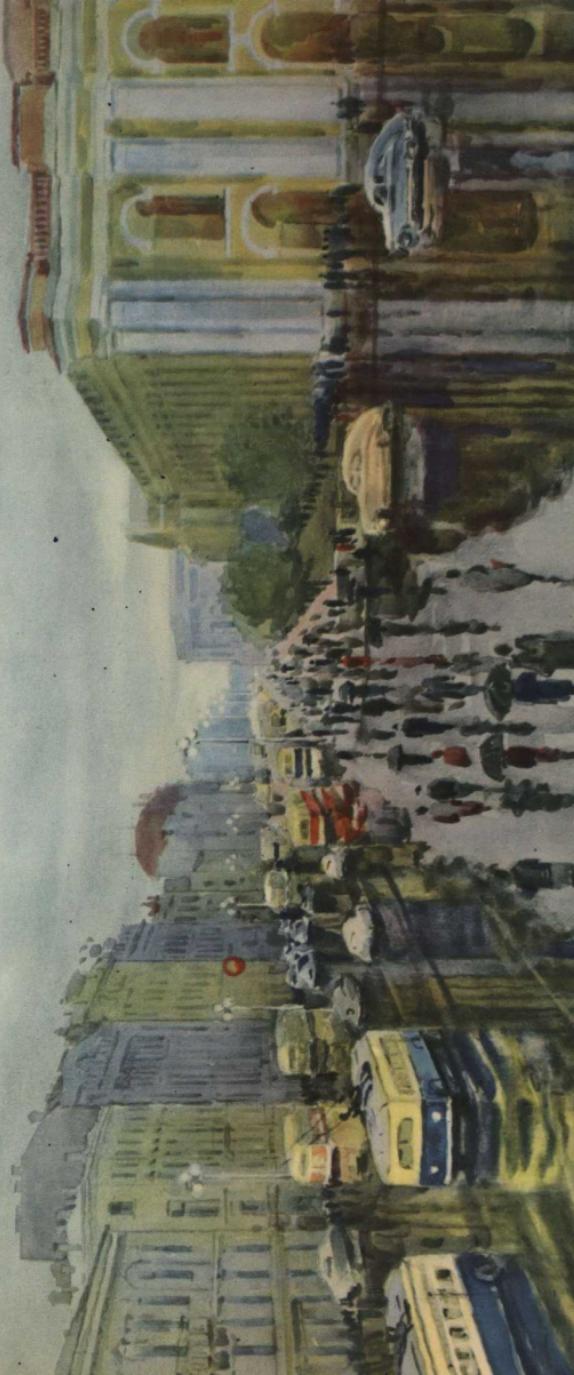
А в это время в станице Долганская сидела за письмами к друзьям молодая учительница, которой завтра исполняется двадцать три года.

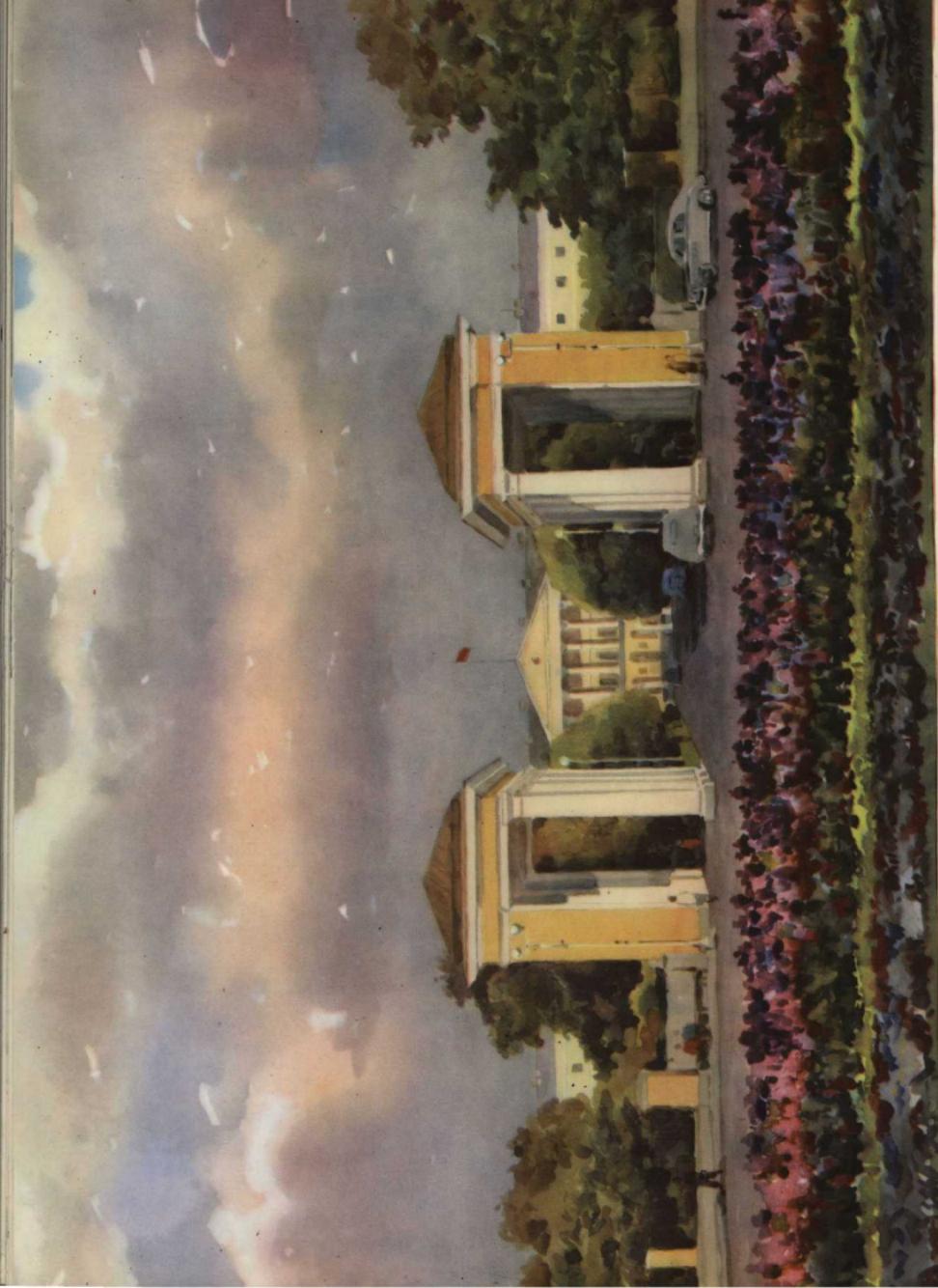

В университете коридоре. На переднем плане с книгой в руках — Лена Полтева.

Ленинград. Невский проспект.

Андрей А. Романовский
Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

Литография. Салонный.

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

В РОДНЫХ КРАЯХ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

НИЗЕНЬКОЕ ТЕСОВОЕ КРЫЛЬЧЕКО до самого козырька оббито плащом. Мы сидим на ступеньках. Я и маленький мальчик. На нём серая каэтчатая рубашка с короткими рукавами и синие трусики. — Как же тебя зовут? — спрашиваю я у этого мальчика.

Он отвечает:

- А меня Николаевичем.
- А мам?
- Мама. Настя.
- А папу?
- Коленъка.

Позади нас, в дверях, стоит бабка в темнокоричневом фартуке. На голове у неё сиятельный белый платок, повязанный по-деревенски.

— Да разве этак? — с ласковой укоризной говорит она. — Ведь папаньку-то зовут Николаем Васильевичем.

У мальчика на это есть свой резон:

- Другие Николаев Власильевичем, а мама — Коленъка.

— А сколько тебе лет, Андрей Николаевич?

— Шесть с половиной.

— Ого, скоро в школу пойдёшь!

— Да я уж почи что все буквы знаю.

— Шустрый! — говорит о нём бабка.

— А где мои кубики? Куда ты их дела?

Мальчик озабоченно хмурит брови, потом подпрыгивает, как мычик, и, проплынув мимо бабки, убегает в сени. Сынчино, как он возится там, что-то передвигая, а через минуту возвращается с коробкой кубиков, на которых нарисованы большие цветные буквы. Быстро отмыкав глазами знакомые и составив четыре кубика в ряд, он по складам произносит: «Ма-ма». Потом, заменив другими первый и третий кубики, объясняет:

— Теперь получился «нана».

Смешав всё, он внимательно отбирает шестую букву, складывает новое слово и испытывающе глядит на меня:

— Читать умеешь?

— Умею, — говорю я.

— Ну, прочитай.

Мальчик удовлетворённо кивает головой

и сообщает:

- Это я уж давн научила.
- Кто же тебя научила?
- Бабушка.
- Уж такой шустрый растёт, — опять повторяет бабка.

С отцом этого мальчика, Николаем Скиминским, шефом экипажа работали на комсомольской киноперевозке.

Нас было трое: механик Андрей Ноговицын, шеф Николай и я, ездивший тогда практикантом, помощником киномеханика.

Мы были почти ровесники — нам с Николаем по двадцать, Андрею двадцать два года. Ему очень хотелось стать оператором, чтобы самому снимать фильмы. Осенью Андрей уехал в институт кинематографии, и мы получили от него телеграмму: «Принеси кинокамеру».

Николай тоже оставил разъезды, женился на колхознице Настине Куликовой и поселился в Поляних.

Потом всем троим нам пришлось воевать.

Ноговицын понёш на фронт прямо из института младшим помощником оператора фронтового киногруппы и погиб.

Это случилось уже в Берлине, когда штурмовали рейхстаг. Он стремился к нему вместе с солдатами, водрузивши красное знамя Победы. В заглавии документального фильма о взятии Берлина среди фамилий операторов, снимавших картину, упоминается и его фамилия. Она появилась в документах рабочих.

После войны я опять стала механиком киноперевозки и вот теперь привёз этот фильм в Поляны, где живёт Николай.

Вечером я его буду показывать.

На противоположной стороне улицы в окнах пламенеет закат. У колодца перекликются девушки:

— Анюта, кино приехало.

— Знаю.

— Пойдём?

— Ещё бы...

Пригнали стадо. Улица наполнилась шумом, блеянием овец, у ворот замчали коровы. Пробежал босоногий подпасок, щёлкнув длинным кнутом с ремёнными махрами. Бабка во дворе затремела подойником...

Мы с мальчиком ждём.

Наконец вырос, раздался в плачах. Отфиксировалась бензиновая гарью, он остановился возле крольчечка.

Николай...

— Ну вот ты и приехал, — говорит он. И мы обнимаемся.

У него крепкие руки. Мне кажется, что Николай вырос, разделся в плачах. От пыльной рабочей куртки, от рук его пахнет автоЛомом и травами.

— Прямо с работы. Я теперь brigadiром в машинно-тракторной станции.

Мы всё оглядываемся друг друга, а мальчик подошёл к мотоциклу и уже дёргает за какую-то ручку.

— А ну-ка, подальше отсюда, — строго замечает отец, но глазах его гордость, — Видишь, какой у меня.

— Мы с ним познакомились.

Николай открыл калитку и, заведя мотоцикл во двор, обращается к бабке:

— Мамаша, а Настя нет ей?

— Задержалась чего-то.

— На сессии, в городе, — говорит Николай. — Они ведь у нас депутат областного совета.

Во дворе он раздевается до пола и начинает мыться, шумно разбрзгивая мыльную воду. Потом вдруг спрашивает:

— Да ты обедал ли?

— Я обедала.

— Парного молочка по стаканчику? — почтует бабка.

— Молочка-то мы выпьем, а ужинать будем после кино. Глядишь, и Настя подъедет, — говорит Николай...

Уже совсем свечерело. Мальчика уложили спать, а мы с Николаем отправились в клуб, где я буду показывать документальный фильм о штурме Берлина.

Клуб сияет открытыми окнами. Западный Володя принес сюда из машины аппарат и круглые жестяные коробки с лентами.

— Окошки не будем закрывать, — говорит он, — а то очень душно. Это ведь не на воздухе.

Да, конечно, с закрытыми окнами будет жарко.

Зрители горят начинять сеанс. В третьем ряду блондинка в светосалфом платье не сидит спокойно. Она вся озябывает от нашего шоффра и предлагаёт:

— Хоть бы патрон завели до начала, Володечка.

— Вот какая нетерпимость!

— Это Анюта Кочетова, — говорит Володя.

— Знакомая?

— Да нет, книжки брала читать, — объясняет шоффр, но почему-то краснеет.

Николай глядит на него с лукавой усмешкой и предупреждает:

— Давай ослабим его на сегодняшний вечер, а я по старой памяти тебе помогу.

— Да нет, зачем же! — смущённо возражает шоффр.

— Даёшь, даёшь, мы управимся.

— Ну, ладно.

У меня всё готово. Николай приказывает кому-то включить свет, а Володя пробирается к третьему ряду: кажется, там есть одно свободное место...

Грохот битвы прерывается в зал. Огонь, огонь! Сквозь дым со скрежетом впечатывается тяжёлая ракета. Жёлтая брызгает огнем. Треск автоматов.

Солдаты бегут, стреляют и падают. Из-под ног вынызываются камни, щебень, земля, и всё это летит к покрещенному небу, а оттуда с пронизительным скрипом несутся к земле фугасные бомбы. И снова грохот, дым и огонь.

Сражение в городе.

Вместе улицы хаотическое нагромождение развалин. Солдаты карабкаются по ним.

Чёрная стрельчатая вышка кирхи. В амбразуре оружия хордично дрожат стволы пушек, отдаиваясь белыми вспышками памени.

И вдруг рушится вышка кирхи с пулёмётами, с пушечником и со всем, что там было. А по развалинам уже перебегают солдаты, солдаты... Советские солдаты.

Кореннастый, широкоплечий офицер в каске взмахнул рукой, указывая вперёд, где поднимается полукругом, когда-то застекленная крыша большого чёрного здания. И солдаты бегут за своим офицером.

— Огонь!

...А в открытые окна клуба с улицы струятся люди, отшибающие липы. Запах деревенского логна. В темноте Николай пронзил руку и касается моего плеча.

— Ты был там?

— Да, мы заходили с юга.

— А он шёл с востока.

Это про Андрея Ноговицына говорит Николай.

Монотонно журчит аппарат. Лента бежит с катушки и оживает на экране движением, цветом и звуком, огнём и громом — всем, что было вокруг Андрея в последние мгновения жизни...

Нет, нет, он видел больше того.

Советские воины, те из них, кто ныне живёт, и те, кто не должна до светлого дня погибнуть, они видят больше того, что запечатлено на камне. Они уже видят мир, очищенный от фашизма, открытый для счастья работы и радости.

В нашей роте был солдат Колобов. Ещё где-то на Одере Колобов рассказывал мне о своём сибирском селе и о том, какая сяд вырастет он после войны, какие яблоки и вишни созреют там. Колобов видел его. Он рисовал на клочке бумаги план села и показывал, где будут ягодники и деревья.

Он тоже не дождался дня победы, солдат Матей Колобов. Но я верю, что кто-то уже сажает яблони в том сибирском саду.

...Над куполом в ростехстага развевается знамя Победы. От них салюта озаряют Москву.

Последние кадры фильма.

Конец.

Зрители выходят на улицу, обмениваясь впечатлениями.

Кто-то говорит:

— Замечательный парк со статуями! Называется Тиргартен. Наш батальон туда выходит. В картине всё фактически было показано.

— А это далеко от рейхстага?

— Вот Тиргартен, а вот рейхстаг...

Николай подымает кудрявого парня на выпотрошенной украинской рубашке и говорит ему:

— Ну, Зотов, графиня работы комбайнов директор уже утвердил. Кулиничев идёт на Девичью балку, а ты начинаешь в Ленинграде.

Парень сообщает, что уже договорился настичь приносищиков и вместе с председателем побывал на полях.

Дня через три можно будет начать.

— Не рановато? — сомневается Николай.

— Да нет, по погоде как раз подходит. Там ведь место высокое.

Убрав аппарат, мы отправляемся ужинать. Николай пригласил Володю, но тот отказался:

— Тут у меня с одним человеком встреча назначена.

— Ну, — говорит приходил.

— А я в фургоне ночую...

Настя приехала и ждёт нас. Ужин давно уже на столе.

— А вы изменились, — говорит она мне, здоровавшись. — Встретились где-нибудь — не узнала бы.

Да ведь и я, пожалуй, не узнал бы её. В моём представлении Настя оставалась ещё совсем молоденькой девушкой, а теперь в неторопливых движениях её, в голосе, во взгляде чувствуется зрелость женщины-матери. Она пополнела, но эта

полнота лишь подчёркивает её непрекрасную, спокойную миловидность.

Бабка ставит на стол самовар, а Настя достаёт из буфета графин с водкой, настоечной на какой-то траве.

— Давно стоит. Моя-то не увлекается.

— Ради такой встречи, как же не выпить с гордостью! Николай, наливая водку в граничные стопочки.

— А мне-то, пожалуй, не стоит.

— Подарочки ничего.

— Меня обидите, Настасья Михайловна, если не выпьете с нами, — говорю я.

— Да она, видишь ли, в таком положении... — старается объяснить Николай.

— В семействе пребывания ожидаем...

Настя, чувствуя неловкость, смущённо опускает глаза и беспринципно начинает передиграть тарелки.

— Полдюжины можно, — авторитетно говорит я, как будто в самом деле понимаю, что такое выпить или нет.

— Ну, за встречу!

— И в память Андрея.

— Сегодня мы будем вместе с ним помыться.

Молчание наступает за столом. Настя тяготится в руках кончиком голубой клетчатой скатерти и как бы прислушивается к чему-то, слегка склонив темнорусую голову. Николай сдвигнув брови, и между ними, над переносцем, легче две складочки.

Тяжело вспоминать о погибшем товарище...

— А жизнь идёт, — вдруг говорит Николай.

— Да, жизнь идёт.

— Мне кажется, что прежде мы относились к ней как-то бездумно: всё нам дано, всё просто, всё само собой разумеется. Мальчишками были. А на самом деле она гораздо сложнее. Вот у нас...

И Николай рассказывает о машинно-тракторной станции, о перспективах развития района. Я слушаю его и, пожалуй, даже с завистью отмечаю, как прочно вошёл он в эти дела, как бески и убедительны его мысли.

— Главное сейчас — механизация, — говорит Николай.

ворит он. — Ты смотри, что делается в деревне: машины идут, машины. А машинам нужен простор. Вертесь на маленьких участках им тесно. И люди правильно поняли это, пошли на объединение небольших хозяйств.

Надежда склоняет головой и изогнувшись встает в его речь слов замечания. После ужина мы выходим с Николаем покурить на крылечко. Настя убирает со стола. Потом и она, накинув на плечи полуницу, выходит и присаживается рядом с мужем.

На улице тихо. Только где-то далеко за скелем девушки водят песни по плавым рокетникам. Над речкой поднялся серебристый серп молодого месяца.

Николай говорит о том, что с осени в Полянах начнут строить новую ремонтную мастерскую и, может быть, он передей работает туда.

Настя сидит, прислонившись головой к его кругому плечу, и он, вероятно, забывшись, что не один глядит своей широкой ладонью об руку, лежащую на коленях. И так хороши они оба, и так хорошо всё у них, что мне снова становится немножечко завидно...

В районе повсюду начались уборка озимых. Дороги стали оживлённей. То и дело встречаются крытые брезентом грузовики, телеги.

На Левинском поле работал комбайн. Мы даже остановились, чтобы полюбоваться, как комбайн идёт по полю, брызгая грязь и пылью. На мостике, на штурвалом комбайна, стоит тот самый кудрявый парень, с которым в Полянах Николай разговаривал настя графика. Я даже запомнил его фамилию — Зотов.

Когда комбайн подошёл поближе к дороге, Зотов спросил, как мы ехали: на Новоселье или на Кубонку?

— На Новоселье, — ответил Володя.

— Комбайн у Деничевой балки работает?

— Ходит.

— Баланса поднять?

— Какой?

— А вот, — указал он на красный флагок, укреплённый на мостике.

Я, признаюсь, не обратил на это внимания, но Володя заверил, что поднял.

— Значит, Кулиныч тоже старается. У нас с ним договор: если часовую норму выдерживаешь, то можешь красный вымпел поднять, — объяснил Зотов и помахал рукой. Высокий красный вымпел.

Мы разглядывали вечером быть в Нижнегородской, но у задней рессоры нашего фургончика лопнула коренной амортизатор, и нам волей-неволей пришлось залезть в дёмынскую колхозную кузницу. Она стоит у самой дороги, на виду у проезжающих. Возде старой кирпичной стены горкой лежат заржавевшие обрубки балок, звеня чугунной решёткой, какими бывают огорожены птичники, большое колесо от конных тяглов, колесо от машины, какого-то двигателя и прочий железный лом. Перед фасадом на припротянутой цепочке висят четыре стойбы с перекладинами. Это станок для комки лошадиц.

Из кузницы пахнет кислотным дымком берёзовых углей, мокрым брезентом, окаменкой.

Через открытую дверь видно, как дышит золотым жаром горы, салыни, как познованием по наковальне ручине кузнец. Салыни над ему тяжко ухает кувалдой молотобоя.

Кузницом здесь работает Сидор Трифонович, широколицкий, мугучий мужчина лет сорока пяти.

Узнав от Володи, в чём дело, Сидор Трифонович только спросил:

— Как же это тебя угораздило? Опять, лодки, с песнями ехал?

— Да нет, мостинчик попался разбитый, трихнуло, должно быть.

— Эх, да тут и подвеска лопнула, — говорит кузнец привес на карточки и осматривает злополучную рессору. — Варить придётся.

— Завари уж, пожалуйста, дядя Сидор, — управляет шофер.

Подходит ещё один человек, видимо, здешний колхозник, высокий, худощавый, с добрыми голубыми глазами, словно озрающими его работавшее лицо.

Он тоже говорит:

— Надо бы, конечно. Люди по делу ездят. Это объяснять не приходится.

— Ну, ладно, покурим и справимся, — решает речист.

Мы закуриваем, а Володя, приспособив под задний мост машины домкраты, начинает снимать рессору.

— Много работы у вас, Сидор Трифонович! — любопытствуя я.

— Говорят, что отбываю, — говорит он.

Главное дело в ковке: молотом всё больше становятся. Да и в альчном пользовании — у того, салдине мотоцикла, у этих весомостид. Сломаешь что-нибудь, так не к ветеринару же обращаться! У нынешней деревни, как бы сказать, костяк же.

Володя уже снял рессору, и кузнец, ёщё раз отгадав её, говорит:

— Ну, давай, тащи в кузницу! Да и кувалда у тебя есть, молотобой.

Володя и Трифонович уходят в кузницу... Может быть, мы и успеем в Нижнегородске стоять высоко.

Медленно текут в вышине клочки облаков. Глядишь на них, запрокинув голову, и кажется, будто белые гуси растягиваются пух в голубом бескрайнем просторе.

— Вот он сказал, что у нынешней де-

ревни костяк, мол, железный, — говорит рабочий колхозник, вспоминая слова кузница. — А ведь главное-то в том, что душа у неё высокая сделалась.

— Как это понимать?

— А так, что вроде орлиные крылья высокие. Человек стал видеть. Он перед всем иконы, и душа его материнская расцветает. Ну и народ к каждому человечку свою отношение высказывает: достоин — возвышенно высоко, покачнулся — осудит и выправит.

— Так партия учит, — говорю я.

— А ты партийный?

— Партийный.

— Ну, значит, и сам понимашь, почему у нас крылья высоки.

— Да, всё то, что вы сказали, — говорит Сидор Трифонович, — в партии-то. Вот и пришёл к Трифоновичу попросить, чтобы, как положено, за меня поручись. Да, видно, придётся до вечера разговор отложить.

Он прощается. Но, отойдя шагов десять, оглядывается и говорит:

— Если почевать здесь решите, то заезжайте ко мне. Третий дом от каменного колодца. Да вы только спросите где, мол, тут ширинки живёт, Иван Пименов.

— Спасибо!

— Пока ещё не на чём...

А в кузнице, салыни, кипит работа. «Так-так, ладно», — вызывает ручину кузница. «Так!» — старательно бухает кувалда молотобоя. Размеренно дышит горы, шаркают клещи, в кадушике шипит вода.

1. Здесь находится общий читальный зал.

2. У стола приема заявок. Такие столы есть в каждом зале.

БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Фото А. Мокледова.

История Библиотеки имени В. И. Ленина — одна из ярких страниц истории развития отечественной культуры.

Библиотека была открыта 90 лет назад. За первые 55 лет своего существования она на-копила немногим более миллиона книг; а за 35 лет после Октябрьской революции — свыше 15 миллионов томов.

Сейчас в библиотеке открыто 12 читальных залов, которые посещают ежедневно свыше 5 тысяч читателей. Библиотека выдаёт более 8 миллионов томов в год. Эти цифры выглядят особенно внушительными, если сравнить размах деятельности Библиотеки имени В. И. Ленина, например, с данным библиотеки конгресса в Вашингтоне. Последняя в 1951 году выдала читателям лишь 2 миллиона книг.

Еще одна существенная черта, которая отличает эту библиотеку от всех библиотек мира. Нигде, кроме Библиотеки имени В. И. Ленина, нет читального зала для детей и юношества.

Общий читальный зал библиотеки расположен в здании Румянцевского музея, построенного великим русским зодчим Баженовым в 1785 году. Зал вмещает свыше 450 человек. Большинство читателей здесь — студенты. Постоянны посетители этого зала — студентка физико-математического факультета Московского областного педуниверситета Л. Соляникова, мастер Люберецкого машиностроительного завода Д. Сафаров и многие, многие другие.

Научные работники обслуживают специализированные залы. В одном из таких залов работают сейчас известный гидротехнический мореплаватель К. Бадгин, доктор технических наук профессор Б. Фёдоров. Часто приходят сюда писатели Ф. Гладков, С. Маршак.

Библиотека имени В. И. Ленина располагает шестью корпунктами, которые занимают центральный квартал в центре Москвы. Высота основного книгохранилища — 18 ярусов. Огромное количество полок заполнено книгами. Если бы эти полки можно было развернуть в одну линию, то они протянулись бы на 250 километров.

Фонд основного книгохранилища — ценнейшая сокровищница человеческой мысли. Он содержит книги на 150 языках. Ежедневно сюда поступают книги, газеты, журналы, изданные в Советском Союзе и других странах мира.

Особый интерес представляет хранилище редких книг и рукописей. Фонд рукописей насчитывает два с половиной миллиона листов. Здесь есть рукописи Архангельское евангелие 1092 года, современник Владимира Мономаха; личные записки Петра I; автографы Державина, Фонвизина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева; записки Герцена.

Большую ценность имеет собрание прижизненных изданий трудов Джордано Бруно, где на одной из страниц имеется собственноручная надпись великого учёного, погибшего на костре. В отделе редких книг хранятся «первенцы» московского мастера Ивана Фёдорова; первая русская печатная газета «Ведомости», выходившая с 1703 года по указанию Петра Великого; экземпляр книги «Лутешествие в Азию» Петра Струбера из Москвы; Радицева, изданный в 1799 году и по предложению Екатерины II изъятой и сожжённой.

3. Основное книгохранилище. Надо найти на полке указанную в заказе книгу.

С огромной любовью собирает библиотека издания работ Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Здесь имеются два экземпляра первого издания I тома гениального произведения Маркса «Капитал» (1867 год), которое вышло тиражом в тысячу экземпляров; хранятся два экземпляра первого издания известной работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», вышедшей в 1845 году.

Знаменитая статья Ленина «С чего начать?», написанная в 1901 году, переведенная на немецкий язык в 1902 году, издана в Германии в России брошюрой. Один экземпляр этой брошюры имеется в библиотеке. Хранится в трёх экземплярах первый выпуск работы Ленина «Что делать?» (Штутгарт, 1902) и «Цвет вперед, два шага назад» (Женева, 1904). Ленинская «Искра» представлена в четырёх полных комплектах, есть полный комплект сталинской «Брэдзоль». В библиотеке хранятся также классическая работа Сталина «Коротко о партийных разногласиях», напечатанная в мае 1905 года в Альбэрской типографии, и первое издание книги «Марксизм и национальный вопрос».

Неуклонно растёт фонд микрофильмов,

3. Один из отделов генерального алфавитного каталога.

4. Диспетчерская. Дежурный диспетчер следит за выполнением заказов читателей.

5. Вертикальный подъёмник. Заказы автоматически доставляются к месту хранения книг.

7. Книга доставлена в читальный зал. Выдача литературы читателю.

8. Научные сотрудники отдела рукописей работают над рукописным памятником XVII века.

9. Чтение книги, снятой на микрофильм.

10. Общий читальный зал.

насчитывающий уже более 47 тысяч экземпляров. Микрофильм — это книга, уменьшенная в 12—16 раз. Страница газеты, например, уменьшается почти до размера почтовой марки.

Микрофильмы широко используются в читальных залах. Так, аспирантка исторического факультета МГУ Т. Степунова читает с их помощью летопись древней истории Китая, изданные в 1586 году, преподавательница МГУ А. Мишукова работает с микрофильмами «Борьба Германской компартии против монархической опасности в 1925—26 гг.».

Заказы читателей в металлических патронах поднимаются по конвейеру и механически выбрасываются на том ярусе книгохранилища где-либо оказалась затребованная книга. Этот же конвейер сносит книгу вниз в центральную станцию, куда через каждые 6—8 минут подходит маленькие электрические поезда, которые отвозят книги в читальные залы.

Каждый день в Библиотеку имени В. И. Ленина приходит объемистая почта. И среди сотен писем немало содержащих слова горячих благодарностей за ту большую помощь, которую оказывает Библиотека имени В. И. Ленина читателям.

А. ЕФИМОВА

СТИХИ СЕ МАН ИРА

Сын

Полночь.
Первый ледок на лужицах чист,
скоро выпадет первый снег.
Еле шуршит западный лист,
и неслышно идет человек.
На одном плече у него ружье,
а с другого свисает фазан.
Каждый кустик дубравы, поляны ее —
всё привычно его глазам.

За опушкой налево — знакомый мост,
а направо — родимый дом.
А на небе звезд,
а на небе звезд,
словно ракушки

на берегу морском!

Человек вспомнил:
пожалуй, вчера
у того моста, у реки,
он считал эти звезды по вечерам
с шустрой девочкой
в перегонки:

«Одна звезда — мне одну звезду,
две звезды — мне две звезды,
три звезды...»

Досчитывай бу до ста,
да уста закрываются уста,
и звучит ей смех беззаботный, шальский,
полудетский серебряный смех...
Эта девочка стала его женой...

Скоро выпадет первый снег...
За опушкой развилика: налево — мост,
а направо — родимый дом.
Сколько в небе звезд,
сколько в небе звезд!

Сколько не был в доме том!

По знакомой тропинке направить бы шаг,
прибратить, прилечь, поглядить на очаг!
И за всю разлуку, за всю войну
прятгобуть авераме мать,
целовать, целовать, целовать жену,
чтобы рассыпала смех опять!

Шорох!
Что это? Заяц стрельнула из куста
или янко-разведчики полетят у моста?
Если нет, то плохо придется ему!
Партизанская ночь коротка.

Нужно мост подорвать.
На неплохо б к тому
привести еще в штаб азыма.
Там, за соглаками, взрыва товарищи идут.
Дом родимый, на время, просты...
Только ноги бойца против воли идут
по знакомому с детства пути.

Ноет сердце.
Не текнули бы пыс в тишине
и не выдал бы радостью.

Нет,
пыс, как дохлы, лежит.
А в бумажном окне
свет луничин, родной снует.

Чуть не вскрикнул от радости.
Палец слюной
помочил и проткнул им окно,

Талантливый корейский поэт Се Ман Ир родился в 1919 году в Пхеньяне. Подростком он начал трудовую жизнь. Был историком, чернорабочим, грузчиком. Работал в Се Ман Ир — на корейской армии. Ему удалось поступить на художественный факультет Японского университета (Токио). За выпуск нелегальной работы он арестовывался японскими властями.

После освобождения Кореи Се Ман Ир стал писателем. Его первые произведения были опубликованы в журнале «Молодые艺术家». Наиболее известен ряд пьес «Перед боем», «Люди острова», «Свети, мама!».

Сейчас Се Ман Ир учится в Литературном институте Академии наук в Москве. Участвует в создании новой корейской литературы, писатель переводит лучшие произведения советских писателей на корейский язык.

приложился. Не встретиться б взягладом
с женой:
испутгается...

Полутемно.
Не идет через дырокочу струйка тепла,
это значит: не топлен очаг.
Мать, укрупнившись, лежит не скамье у стола.
Ключья азты из сицца торчат.
И сидит, как изголовье прижалась жена,
и луничника трещит. И страшна тишина.
Почему они обе молчат?

Хоть бы слово услышать!
Закашлялась мать
и, иссохшая руку ко рту приложила,
прошептала, уставившись в стенку:
— Как знать?
Может, мальчишкой мой жив?
— Да, конечно, он жив,—
тихим голосом ей отвечала жена,—
он вернется. Свободоног станет страной.
(Видно, так говорили они впереди.)
— Он вернется,—

сказала увернейшая мать,—
мальчик мой, муж веселый и любящий твой!
Если бы для тебя хоть лепешки достать!
Мне-то, видно, его не дождаться с войной,
а тебе, молодой, еще силы нужны.
— Что вы, мама? Ну что вы сказали сейчас!
Хороша б я была, если б он, мой родной,
не застал вес, когда мы покончим с войной!
Нет, лепешка нужнее для вес...

Вдруг понято им стало, что делают обед тот, который не сварен, которого нет.
Улыбнулась хорошей улыбкой жена,
и, склонившись к постели, запела она:

«Одна лепешка — вам одни лепешки,
две лепешки — вам две лепешки,
три лепешки...»

Одна досчитает до ста,
мать уснет.
Ждут товарищи взрыва моста...

...Человек, от окна оторвавшийся с трудом
и повесив фазан на крюк у дверей,
поклонился: — Прости же, родительский дом!
И пошел, пошагал ёс быстрой и быстрей!
— Пусть привет мой,— шептал он,—
обрадует вас в тяжелый для родины час!

Полночь.
Первый ледок отражает ёб.
Скоро выпадет первый снег...
Таёзд поступают, крепко скимая ружье,
по дороге идет человек.
Вот все ближе старинный знакомый мост,
где река выбегает дугу.
А на небе звезд,
а на небе звезд,
словно ракушки на морском берегу!

Шорох!
Что это? Заяц стрельнула из куста
или янки позади у моста?
Если янки — минуты его сорваны,
партизаны полонены уже стоя на ладонь.
По закону любви, по закону войны,
по закону сыновнего долга:

— Огонь!

Перевод с корейского
Марк МАКСИМОВ.

Шахтёр

В подземном лесу я охотиться рад,
Мне весело в шахте трудиться!
И уголь куски предо мною лягут —
Подбиты чёрные птицы...
Эх, взял бы я в руки винтовку!

Подземной реки я рыбак удалой,
Стучит молоток мой отбойный,
И угол, как рыбка, блестит чешуй...
Играет на глади спокойный...
Эх, взял бы я в руки винтовку!

Люблю с ребятишками рыбу увидеть,
И странствовать по бездорожью,
И жирную землю лопотаю рыть,
Но шахта мне многое дороже!
Эх, взял бы я в руки винтовку!

Воззвание мира подписано мной,
И этой же самой рукой
Я взял бы винтовку и ринулся в бой.
Сражался за дело родное!
Да только кирку мне вручина Отчизна!

Перевод с корейского
М. СВЕТЛОВ.

Когда ты вернёшься...

И ночь и день —
Всегда, любимый мой,
Я жду тебя...
Я жду счастливой встречи.
Душа моя полна одних тобой...
И горько сгущуть не может плечи.

Когда же ты вернёшься,
Милый зов
Я из глухой землиники и убогой
От тысяч, тысяч разных голосов
Вдруг отлучку
и выйду на дорогу...

И если ты
Изранен был в бою
И прислакать меня
Твои не смогут руки,—
Приди... Приди...
Я нежность всю свою
Тебе отдам...
Себе ж возьму все муки..

Но верю я,
Что ты придёшь домой
С ульбкой светлою,
С победой, в день хороший...
Я вскрикну радостно,
созу на поле брошу
И босиком помчусь к тебе, родной...

Прижмусь к груди...
Взгляну в твои глаза,
Впервые без тоски
Оборотишься к Югу...
И по щеке вдруг скатится слеза,
Ta,
что, прощаешь,
скрыла я от друга.

Перевод с корейского
Вл. МАРТИНОВ.

Огонёк

Усталый, ты проходишь длинный путь.
Вдруг вспыхнул огонёк перед тобой в тумане,
И кажется, лишь руку протянуть —
И ты уже согреет его дыханием.

Когда закроют штормовые волны
Рыбацкого посёлка огнины,
Любви к земле своей родимой полны,
На воле налегают рыбаки.

В стране, где властвует над всеми
Жёлтый Дьявол,
Порабощённому видна всегда,
Как яркий символ трудовой державы,
Высокая кремлевская звезда.

Она — вовек не меркнущая — греет,
Преодолев и штормы и туманы,
Измученного жителя Кореи,
И Индии, и всех дальних стран.

Она сквозь занавес блокады светит,
Сияет над просторами морей,
И кажется, нет ничего на свете
Её родней, её теплой!

Перевод с корейского.
М. СВЕТЛОВ

Фахри ЭРДИНЧ

СВИНАЯ ПОВОЗКА

Рассказ

Есть, богатый квартал в Стамбуле. Называли его высочено на высоком холме, который стоит на углу двух улиц: «Древняя постройка султана Меджидя — Новый квартал Тешиники». Это тот самый квартал, название которого часто упоминается в газетных похороненных сообщениях, таких длинных, что сразу их вслушив прочтёши: «По совершении намаза¹ в мечети Тешиники...» и т. д.

Несчастный этот камень — мусала² — у мечети Тешиники, скользкая, гладкая, которой поклонялся на орудийных лестницах с венками и музыкой, орудиями здесь мусала посланную молитву! В такие дни во двор мечети набираются столько благочестивых прихожан, что ирокеши удалять нечё. Одни, елеёно сложив волосатые руки на толстом брюхе, украдкой стреляют глазами по сторонам из-под затянутых полей своих котелков, напоминающих по форме ночные горшки. А иные ханум, вспомнив в последний момент о прачечниках, начинают причитать, расскачиваясь из стороны в сторону, пока не подойдет молитвенный мурза³ из родильского дома. То и дело какой-нибудь простуженный музыкант харкнет на камни двора. Голос профанца арбузов, торгувшего на углу, то и дело прыгает в нестроение бормотание муллы: «На том свете... на вырез... за неспаслый деньгъ не берём...»

¹ Намаз — обрядовая молитва мусульман.
² Мусала — камень, на который ставится гроб при совершении обряда погребения.

Рисунки Л. Бродаты.

Но мой друг, рабочий, не утомлялся потребительских почестей, потому что в тот миг, когда остановилось его сердце, от него не исчез спиртное; потому что он не покончил самоубийством, чтобы скрыться поддох и не испустил дух на перине, набитой гарячим пухом. Когда закралась его глаза, он успел заработать лишь четверть своей подёйной платы — жалких пятьдесят курушей. Он был с ног до головы в поту и грязи. О его смерти газеты не писали, как о «прискорбной утрате».

Мы положили тело моего друга в гроб, привлекший внимание из простональд, и поставили его на камень мусала при мечети Тешиники.

Мула приблизилась к гробу. Товарищи моего друга, смущаясь, сняли туфли и стали на них. Из раных носков смотрели на белый свет потрескавшиеся, слепленные цементом и грубые, как корни, пальцы. Рабочие надели кепки козырьками назад. Все были наконец готовы к зарубиному намазу. В последнюю минуту подошли и точильщики, оставившие свой чёрный мусалу на камне. Ну, а тут не нужно было раздумывать: он был бос.

Всеми человек, представлявших приход, повернувшись всем за мусалой лицом к Каабе⁴ и отстолая последний намаз за павшего друга. Все старательно клали земные поклоны, а я не мог отвести взгляда от его гроба.

⁴ Кааба — храм в Мекке. Мусульмане во время молитвы обращаются лицом в сторону Каабы.

...Впервые я услышал его голос тёплым листовым вечером. Я читывала книгу, когда под окном послышались звуки саза¹. Потом раздался чистый мужской голос. Я взглянула на улицу и увидела строительных рабочих, отдыхавших на мостовой возле фонарного столба. Но в темноте я не разобрала, с какими они были стройки, ведь только на этой улице было многое, ворота доходили до дома. Таких домов, что если спрошу посмотреть, голова кружится, синзу посмотреть, шапка валяется. Те, у кого куча денег, возводят такие доходные дома быстрее, чем школы вырезают домики из картона. Смотриши, не успели ещё ѿйт мальчики, как окна запавшиваются шёлковыми пытлерами. На следующий день уже стоит перед домом целое стадо черепах - «диков». Конечно, не по нашему тонущему карману эти апартаменты: за них надо вносить деньги за год вперед, по четыреста лир за месяц. Всё это придумали американцы, как собаки кирзовники!

Итак, звучал саз у фонарного столба, и мой друг пел песню народного аугшта Веселая:

Ни грона не стона в твои красоты,
Если б в тебе любви этой не было.
Если б в сердце твоём не имел я двери,
Веселиться, гулять мне бы нечего было.

Рабочие были веселы в ту ночь. Они пели под музыку, танцевали, вились за руки. Словно это не их весь день сeldorfого под ногами на работе. Самые горячие думы они имеют скромные, неутомимые, полные жизненности. Каждый вечер после работы они замыкали шелкы под кирзовкой, поставленной на два кирпича, и через четверть часа фасоль их была готова. Вымыли руки и накинув на пачечи кудри, они садились обедать на мостовой. Покончив с едой, они были свободны - пой, гуляй, танцуй! Иногда они даже принимались бороться на асфальте.

Наконец однажды в поденье я познакомилась с моим будущим другом, который в тот вечер играл на сазе. Когда я подошла к нему, он стоял, закрыв лицо камнем, в позе поклонения, напоминающей спасение, молитву, ребёнку. Глаза его прикрыты, очки, напомнившие луны часовщика. Его руки и смуглые лицо были белы, как у мальчика.

- Дай бог силы! - крикнула я.

1 Саз - народный струнный инструмент.

Он взглянул мне прямо в глаза и поднял в знак приветствия руку, скимающую молоток. Я заметила, что рубаха его промокла от пота. Руками, коричневыми от загара, он держал молоток так же уверенно, как держат ломоть хлеба. Чтобы узнати, сколько он зарабатывает, я спросила:

- Сколько вам платят за такой камень?

- Я не очень искусный мастер, поэтому, считая на метры, выходит не больше двух с половиной лир в день.

Мне стало не по себе, когда я подумала, что этих денег едва хватит рабочему на то, чтобы поесть два раза в день. Мне хотелось узнать его имя. Вопрос верстался у меня на языке, но я не решился задать его. Мне хотелось увидеть цвет его глаз, увидеть хоть раз его улыбку. Но разговор принял совсем неожиданное направление. Не сказалось больше ни слова.

Теперь я знала, что каменщик сталкивалась с иной и наша встреча всторачивалась мыслились друг другу. Чаще всего я видела его вправдиглен в телеску для перевозки тяжелых камней, которую каменщики называют «синий повозкой». У этой «синей повозки» на двух железных колёсах было такое широкое днище, что там спокойно мог разместиться самый толстый камень. К телеску подносили обтесанный камень, весом по меньшей мере в сто пятьдесят килограммов. Несколько рабочих грузили его на повозку. После молчания, которое длилось в ожидании, с трудом сохранив равновесие, подъезжая, камень прямиком к постройке. Чтобы возить на этой телеске такие камни, несомненно, нужно было обладать недюжинной силой ловкостью телеродора.

Однажды вечером со стороны бара неожиданно послышались приглушенные шаги. Рабочие сбежались к фонарю. Говорили все разом:

- Дайте ему аут понюхать!

- Разотрите ему запястья!

- Быть может Пока само не пройдёт, ничего не поможет.

Спинувшись вниз, я увидела моего друга. Он лежал на спине, лицо его кипало пена, кепка откатилась далеко на мостовую. Казалось, огромная тяжесть надавила ему на грудь, и он стонал, пытаясь освободиться, вырываться.

Мы не смогли придумать ничего лучшего, как растирать ему запястья.

- Не утруждай себя попонараси, эфенди, - сказал один из рабочих, - сейчас он придёт в себя.

- Вы с ним земляки?

- Нет, он из Эрзинджана, а мы кыршикские...

- Давно у него падучая?

- Говорят, в детстве не было, потом исчупало его в старости пор мучается.

- Есть у него родные?

- Один как перст.

- Как зовут его?

В этот момент все вздохнули с облегчением:

- Очнулся!

Мой друг перестал стонать. С помощью товарищей он сел на мостовой, бессильно опустив голову на грудь, и уставился в землю. Потом он вытер губы рукавом рубахи, поднял кепку, глубоко вздохнула и заплакала. Человек был очень сложен, он плакал, как маленький ребёнок, синяки сидели на его щеках. Пакавка и причитала:

- И не стыдно тебе? Просто я ли тебе, Аллах, трахти меня, как собаку, да измываешься надо мной, как животеру? Когда кончатся мои мухи? Чтоб тебе...

Он выругался. Он ругался длино и долго, насколько хватило дыхания. Потом медленно и смущённо, как побеждённый борец, поднялся на ноги. Некоторое время он не мигал, смотрел вдаль, уставившись в одну точку. Потом вдруг, как ожившая статуя, двинулся с места и пошёл к бару.

Этим же вечером я принесла в бар спринтинг о его здоровье. Постолько моего друга состояла из досок, положенных на козлы и прикрытых бумагами мешками из под цемента с заводов Сумербанка.

- От этой болезни есть лекарство, - сказала он. - Есть, но моего заработка не хватит и на коробку пилюль.

- А если положить тебе в больницу?

- Не выйдет. Мало того, что я чужой здесь: когда приду в больницу или в аптеку, никто не будет так, словно ты их отгораживаешь.

На следующий день я привёз её в аптеку и познакомилась с аптекарем, которому перед этим отдали половину своей поулучки. Мы договорились, что аптекарь каждую неделю будет выдавать моему другу коробочку пилюль, а я каждый месяц буду выплачивать им из своего жалованья.

Прошёл месяц. Я наведалась к аптекарю, чтобы отдать долг, и узнала, что мой друг ни разу больше не приходил за лекарством. «Золотое сердце» из этого эффекта вышел аптекарь, и погадал, как он знает вижу свою беднее меня... От его соседей узнала я, что он тоже болен, живёт у чужих людей. Не хочу и быть обузой для бедняка...

Мне не представлялось больше случая поговорить с моим другом. Этому помешало непредвиденное происшествие. Однажды он снова вспрыгнул в тяжело нагруженную «синью повозку». И надо же было случиться, что именно в этот момент его свалила приступ, проклятой болезни. Не успела отбежать к мостовой его кепка, как позади перегородилась и тяжёлый камень упал ему на грудь.

Когда я подошла к нему, никто уже не находился, что он очнётся. В моей памяти запечаталась с необычайной ясностью все подробности. Из кармана упавшего вынули свидетельство штукатурки. На резиновых подошвах его сандалий чернело клеймо «Файрдейсон США».

Когда я очнулась от своих быстротечных и почальных, как заупокойная молитва, воспоминаний, мудра мечети Тешвики вспомнила:

- Эй, прихожане! Как вы знаете по-коинько?

- Хорошо знаем, - ответили мы в один голос.

И это была сущая правда, господин муалла. Мы действительно хорошо знаем наших мучеников.

Перевод с турецкого
Р. ФИШ.

¹ Эфенди — господин.

Альбом А. Романовской
Ленинград 1955

Нурбашавтогорстрой. Утро.

В. Гапошкин.

ВОЛЬТЕР

(1694—1778 гг.)

Семидесят лет назад умер Франсуа Мария Вольтер — великий писатель Франции, мыслитель и публицист. Вольтер был деятель Просвещения — широкого движения, спонсированного во Франции за несколько десятилетий до французской буржуазной революции 1789 года, особенно подготовившего к ней французское общество.

Немногие из предшественников и современников Вольтера, исключая энциклопедистов, сделали столько, сколько Вольтер, для распространения просвещения во французском и европейском обществе XVIII века. Вольтер был не просто популяризатор Просвещения. Он один из его корифеев и самый его яркий, талантливый, острый, неутомимый борец.

В XVII веке люди, жаждавшие, как Де Карденаль, «открыть новые пути в науке, вымыслии и жизни», въезжали в Францию. В XVIII веке борьба с королевской порядком велась уже самой Францией. Дидро отказался перенести издание «Энциклопедии» в Амстердам или в Петербург, как это было ему предложено, и, несмотря ни на какие трудности, довёл дело до конца. Когда преследования заставили Вольтера покинуть родину, он при первой возможности возвращалась, но не притихший и прымирённый, а такой же, как и прежде, непокорный, готовый к борьбе.

Искусство Вольтера как писателя возникло в этой борьбе, выбиралось в её ходе союзные формы и завоевывало новое значение в обществе.

Лице Вольтера Франция впервые увидела писателя — не уединенного мудреца или придворного забавника, какими были литераторы до него, а учителя общества, просветителя и борца за обновление людей от власти вспущенных им предрасудков и иллюзий.

Представление писателя о роли писателя неотъемлемы от здравой литературной борьбы. Вольтер — враг отважнейший. Он не рассуждал о роли писателя в обществе, а завоевывал эту роль самой практикой своего творчества. Он всегда ставил перед собой определенные задачи.

Первой из них для Вольтера стала борьба против притязаний церкви на политическую власть и на господство над умственной жизнью общества. Вольтер был бесстрашным и неутомимым противником католической церкви. Для него французские системы, формы церковной организации, основанные на религии, священнослужители, дервиши, монахи, их лицензии, их невежество, их ненависть к просвещению — всё стало предметом постоянных нападок и критики Вольтера.

Дело не ограничилось одной литературой. Следя за событиями общественной жизни Франции, Вольтер вступает в 60-х годах уже не в литературу, а в прямую борьбу с прородившимися и утверждавшимися религиозной нетерпимостью. Ученье о том, что в случае казни, которую подвергались совершившие преступления люди (Калас, Спаррен и другие), оклеветанные фанатиками и осужденные первоклассными властями, Вольтер привык к этим случаям общественное внимание не только во Франции, но и за её пределами. Смелая и неутомимая публицистическая деятельность, развитая Вольтером по расследованиям и пересмотру вопиющих религиозных процессов, закончилась полным торжеством писателя, реабилитацией жертв религиозного извержения.

Однако философская сторона вопроса о религии не занимала времени у Вольтера. Буржуазная толпа временно анулировала мысль, что религия, несостоятельная, как только она принимает форму того или иного отдельного вероисповедания, должна быть всё же сохранена. Религия представлялась Вольте-

ру как духовная сила, обуздывающая массы. С этой, оставшейся его далеко позади Дидро и Гольбаха, позиции Вольтер осуществлял открытую пропаганду атеизма, которую вели французские материалисты. Однако для широкой публики основное направление деятельности Вольтера представлялось как противорелигиозное, несмотря на все «оговорки» самого Вольтера. В XVIII веке «вольтерийство» было синонимом не «философской» религии, очищенной от особенностей того или иного вероисповедания, а синонимом полного атеизма, то есть безбожия.

жизнь современного ему общества. Это была полная силы протест против тупости, бездушия или лицемерия всех, кто картины действительных общественных бедствий, прикрывает иллюзиями гармонии и всеобщего благополучия.

II

Писатель, поставивший перед собой задачи такого характера и такого масштаба, должен был выработать и соответствующие им средства художественного изображения и воздействия.

Основным оружием Вольтера-писателя было сатира.

Вольтер довёл до совершенства сатиру, направленную против реакционных идеев. Как объяснял Писарев, в этом случае «смех есть сам по себе новая идея, отрицающая старую и становящаяся на её месте. Осмыслить идею — значит доводить её до абсурда и показывать таким образом её несостоятельность, но показывать так живо и так ясно, чтобы аргументация не утомляла читателя, а мысль, чтобы эта аргументация не вызывала у него — только смеха, а в одном замысле, в одной весёлой прутке: такой смех действительно способен вызывать называную тысячулетием мировоззрения¹. Таков был смех Вольтера — смех, по словам Герцена, «бил и же, как молния».

Вольтер не признаёт изображения ради самого изображения. Повествовательная фантазия для него — только средство, заставляющее мыслить. Изображать для него — то же, что объяснять, художественные детали — только грязь, через которую проходит мысль.

Однако блещущее оружием искусства Вольтера не только рассудочно. В маленьких повестях и отрывках Вольтера (*«Жанна и Коллен»*) мастерски используются не только логическое построение действий, но и музыкальные средства французского языка, усиливающие действие прозы.

Размах писательской деятельности Вольтера огромен. Его произведения обнимают все важнейшие жанры. Редко и никогда не изменяя Вольтеру чувство помогло ему найти форму, соединяющие классический театр Корнеля и Расина с театром, созданным им самим, в котором зачастую античный миф становится поводом для просветительской критики и осуждения современных порядков. Его трагедии в течении столетий не утратили интереса и не сходили с французской сцены.

Философские романы Вольтера на моральные, религиозные и исторические темы искусно соединяли занимательность повествования с ясностью философской идеи. Его письма-статьи, письма-плакеты, письма-корреспонденции, письма-трактаты создали новый жанр публицистической литературы.

III

Историография Вольтера, несовершенная с современной точки зрения, всё же далеко опередила исторические труды его предшественников — официальных при дворных историков.

Вольтер выступал и как историк царствование, эпох (*«История Карла XII»*, *«Все Людовика XIV»*, *«История России и т. д.»*) и как философ, развивающий общую теорию исторического процесса (*«Опыт о народах и духе народов»*).

Найменьшей достоверности прежних историков, не подозревавших о необходимости проверки

¹ И. Писарев. Цветы невинного юмора, Избранные сочинения в двух томах. М. 1934, т. I стр. 524.

Франсуа Мари Вольтер.
Литография с портрета Латура. 1736 год.

В философии Вольтера привлекали не ходячие споры о природе материи и души, но новое, основанное на опыте объяснение явления природы, а также вопросов душевной деятельности человека. Именно на этот почве прорвался Вольтер с философской Ньютона и Локка, которых Вольтер противостоял идеалистам Декарту, Мальбраншу и Лейбницу. Одним из первых во Франции Вольтер пропагандирует здесь идеи Локка. Вместе с Локком Вольтер допускает способность матери мыслить.

В подробности философских споров Вольтер не входит. Зато тем более важным представляется ему конкретный вопрос о том, как следует согласовать разумные начала, на которых должна строиться человеческая жизнь, с неразумностью существующей жизни, с наличием катаклизмов в природе, с наличием противоречий, беспорядка и обмана.

Вольтер во многих своих произведениях противостоит официальному оптимизму картины бедствий, болезней, эпидемий, войн, насилий, несправедливостей, на которых складывается

и критики исторических источников, Вольтер противопоставлял своим трудам, в которых тщательно отбирались все факты и события.

На место богословской теории исторического процесса, разработанной Боссю, Вольтер поставил реалистическую светскую философию истории, впервые применив этот термин ко всемобщим обозрениям исторического разви-тия.

В это понимание истории представляется как всемирный процесс, охватывающий не только всемирные цивилизации древней Греции и Рима, но и почти не известные тогда Западу великие цивилизации древнего Востока: Индии, Китая, Египта. Вольтер высоко ценил культурный и нравственный мир древнего Китая. Он осуждал узость тогдашних учёных, пытающихся всё развидеть европейской культурой возвести к началам одной лишь греко-римской и еврейско-христианской цивилизации.

Исторический процесс Вольтер пытался понять, опираясь на жизненный опыт, на знания политических и дипломатических союзов современности. Он читал историю газеты человека, который стоит в центре борьбы современной общественно-политической жизни.

Борец за просвещение, Вольтер всю жизнь чувствовал глубокую неприязнь к грому магистратуры, к залатывшим воям. Его постоянным признаком был приём «возделывать свой сад» — символ культурного труда, выполняющего свою задачу, несмотря на все препятствия, противоречия и неизвестность действительной жизни. «Шлоц какого-нибудь канала», — писал он, — картина Пуссена, художественная трагедия, твердо установленная истиной имеют в тысячу раз большую цену, чем вся масса легендий двора и все рассказы о военных кампаниях».

Вольтер с большим вниманием следил за развитием народов Восточной Европы. Он с искренней радостью приветствовал блестящие успехи России: военные, политические, культурные, научные.

«Ныне нужно ехать в Россию», — писал он Ришелье в 1770 году, — чтобы увидеть великие события». «На земле», — писал он Шевалью в 1758 году, — нет примера иной нации, которая достигла бы таких успехов во всех областях в столь короткий срок». «Я в особенности», — признавался он в 1746 году русскому академику Мюллеру, — проникнувшись уважением к вашей Академии, которая родилась вместе с империей Петра Великого... ваше сообщество успело уже выпустить в свет девять томов, в которых содержится множество такого, что может вразумить самых ученых людей, тем более что в этой области ничего не было опубликовано в проигнорированных столицах многих старых государств».

Деятели, подобные Вольтеру, не умирают для потомства. Многое стареет в его идеях, но вещи молодые, неуваливающиеся, остаются смелым даром борьбы за прогресс, страсть к новизне к kostenstvosti, рутине и реакции, живучий интерес к жизни, способность быстро и деятельно откликаться на её события и явления, широкая точка зрения, подводящая частные и мелочные факты под руководящие общие принципы. Бессмертный могучий смех Вольтера, разинявший его язвоги, поддергивающий его самого в самые тяжелые для него времена.

Задолго до французской буржуазной революции Вольтер рассказал ракорд приближающейся бури, которой суждено было вымыть из средневековых современому ему французское общество. «Всё, что я вижу вокруг меня», — писал он Шевалье, — бросает зерно революции. Она наступит неминуемо, хотя я вряд ли буду ей свидетелем. Французы почти всегда подводят до конца свою цель, но в конец концов всё же достигают её. Свет распространяется всё больше и больше: вспышка произойдёт при первом случае, и тогда поднимется страшная схватка. Счастлив тот, кто молод: он ещё переживёт прекрасные вещи».

Эти слова написаны в 1764 году. Четверть века спустя французский народ уже штурмовал стены Бастилии.

Профessor B. ACMUS

Георгий МАЙОРЕНСКИЙ

ДОЛИНА СВЕТА

— Аллах не хочет, и Ташим не хочет,— сказала естественным тоном сказал мне Ибри Шукурси.

Муф Ташим встал посреди степи — и ни шагу дальше.

Турок не колотил его. Даже не погонял. Он спокойно уселился на краю дороги и начал сбрасывать «дыраку» из смеси неведомых листьев и трав. И добавил просто:

— Ташим пити хочет...

Пить... Но откуда Ташим добыть воды, когда у нас самых языков нет?

Раскальянный ветер подымал желтоизвестую пыль. Солнце выжимало последние капли из немногих растений, которым еще удалось сохранить признаки жизни.

Я простилась со старым Ибри и запатил к Сухой долине по направлению, преобразованному в пыльную глубокими трещинами земли. Там я забыл, пока мое внимание не привлекла длинная процессия.

Жители нескольких сёл вышли в степь. Во главе процесии шли попы. Люди несли ходули, чудотворные иконы, несли их, как свою последнюю надежду. Но и восемилетний бог, ни предгорный аллах, ни пророк его не оделичила чуда.

Солнце продолжало жечь. Посевы гибли...

Это происходило вскоре после освобождения Румынии Советской Армией. Там было adesec и раньше в течение многих столетий.

Долгие века мачеха-судьба терзала землю Добруджи: зимою метели и сугробы, весной половодье, туты комаров и неизменная лихорадка, летом жестокие засухи.

Долгими вечерами старые рассказывали о чахах феи Дуны, которые тогда лишь будут разрабатывать Форт Фрумус со звездой Востока, а мы полюбят изуродованное тело её, разорванное затвор. (Так народный гений сплавил предание о трех руках Дунай — Килии, Сулина и Святого Георгия.) И фея Дуна возродится тогда в красоте, неизнанной доселе. И пройдёт она, гордая и прекрасная, по старой долине Карасу, превратив её в цветущий сад.

Молодёжь с блестящими глазами слушала сказки стариков, и народ метал, что фея Дуна вернётся снова на её горячую землю, забытую счастьем.

И вот мечты народов стала претворяться в жизнь. Несколько западных лиц эти дни 1949 года Газеты и радио сообщали о том, что ЦК Рабочей партии и правительство Румынской Народной Республики решили начать строительство канала Дунай — Чёрное

море. Узнав об этом, тысячи людей заявили о своём желании участвовать в работах на трассе будущего канала. Построили бараки, а затем новые города. Пополнили землю лопатами и уносили на повозках. Потом стали привывать «советские машины»: экскаваторы и бульдозеры, грузовики-самосвалы и землечерпалки. Приехали советские инженеры, техники.

— Вы здесь можете остановиться, но только до послезавтра, — вместо вскокового приветствия сказала нам работница общежития черноводского управления строительства.

Я понял: у этого дома та же участь, что и у многих других черноводских зданий, которых я уже не застал. До неумолимого преобразования Черновода за последние годы. Добрая часть города исчезла, оставляя развалины и застроила заново. В городе городище, и застроила заново. Добруджа, появился монументальный район, состоящий из каменных домов, простирающиеся в светлае здание.

В начале года отмечалось открытие отлично оборудованной поликлиники. В 1948 году в Черноводе было зарегистрировано 20 тысяч случаев заболевания малярией. Теперь буржуйка «малярия» в статистике поликлиники исчезла. Ни одного случая заболевания малярией по району!

Тут, у Черноводы, берегом сбрасывало рулло канала. Здесь ауди Дунай повернулся к морю. Они перекрывают дюбордскую землю на протяжении 63 километров. Черноводский порт канала Дунай — Чёрное море. Отсюда направляется к морю тяжёлые торговые суда, отсыпая оросительную сеть юдёт аглуби безводных степей.

Мы вышли к каналу холодноватым весенним утром. Солнце медленно поднималось над Дунаем, заливая его таким пурпуром, подобным которому вряд ли где-нибудь встретишь.

Мощные экскаваторы жадно вгрызались в обрывистые берега, чтобы потом сбросить землю из огромных комшей в багоны-самосвалы. Параюсы гладко составы, нагруженные землёй и камнем. Исполнинские руки подъёмных кранов укладывали борозды, выравнивали берега, где собираются будущие пирами пристани.

Неизвестное величественное орелли! Люди в машинах, сияя будто в единой могучей органике, перемещают комы, осушают болота и пруды, меняют путь рек, покоряют природу.

Изменение не только эти места, изменились и люди. Липовин-землемек спал экскаватор-

А как идёт строительство на других участках?

шником, турок-воязника управляет сегодня бульдозером, бывший трансиванский батрак стал машинистом. Тысячи людей овладели новыми профессиями, неслыханными ранее здесь: стали землечерпальщиками, гидромонитористами, землеройщиками, строителями, диспетчерами и электротехниками.

Рабочие, прибывшие на канал, прнесли духовение новой жизни всей земле Добруджи. Богатые урожаи сельскохозяйственных участков канала, рассказы людей — всё это оказывало решающее влияние на добруджеских крестьян. Крестьяне Добруджи пошли по пути колхозного хозяйства. Сегодня тут 257 колхозов. Вместо горбатых волов, вместо старых плугов, царявших на каменелавшую землю, теперь мы видим гидравлические тракторы. Лемехи мощных плугов глубоко вспахивают землю на тысяча гектаров поднимая пыльцу. В полях на оросительных системах проплывают водные картофель, совершенно отсутствовавший в Добрудже, теперь собирается из передовых колхозов даажды в год.

Канал рождает новые города, бетонные и цементные заводы, металлургические предприятия, помогает созданию колхозов.

Фея Дуна сделала только первые шаги, а Добруджа уже становится плодородной и цветущей.

Как в вся трассе, горожан Меджиидии живёт чистую жизнью стройки. Сносятся старые домишки, воздвигаются корпуса нового рабочего города.

В Меджиидии, как и в большинстве городов Добруджи, живут люди разных национальностей. Вековая вражда между румынами, турками, татарами, насаждаемая буржуазией, была ликвидирована при режиме народной демократии. Мы говорим теперь не только о ликвидации вражды народов, но и о возникновении дружбы народов. Совместный труд во имя спасливого будущего цементирует эту дружбу.

Около города, там, где три года назад ещё насыпались омы, возникла сводчатые корпусы нового металлургического предприятия Меджиидии. Мы посетили просторные, светлые цехи — кузину, стальгитеческий, механический. Здесь, как и повсюду, расспросам о Советском Союзе нет конца.

В токарном цехе к нашей маленькой группе подошел молодой рабочий. Он спросил:

— Товарищи приехали из Советского Союза? — Мы румынские студенты, учимся в Москве.

Знакомимся. Стакановец Марин Барбат горячо рассказал нам о статье стакановца Колесова, которую он недавно прочёл. Город показал нам резец, изготовленный по методу Колесова, Барбат пригласил нас к своему станку:

— Вот я вам, товариши, продемонстрирую... Мы были поражены скоростью обработки детали.

В шесть раз быстрее, чем в прошлом месяце, в правоцвете качества вы сами можете судить... Барбат притянул к нам, улыбаясь, две детали.

Мы еще раз крепко пожали друг другу руки. В простых и горечих словах стакановца Марина Барбата прощущали мысли и чувства строителей канала, любовь и привязанность к советским людям — лучшим друзьям румынского народа.

Путь от Меджиидии к Белым воротам приснился первенцу пейзажу. Меняется профиль местности. Вместо равнин появляются холмы, покрытые лесами. От Белых ворот начинается таинственный Северный грот. Земля всё более и более уступает камню. Канал напримиряется с массивом, который был когда-то частью Мунинских гор. На протяжении сотен метров поднимаются в скалах отвесные берега канала, достигающие в некоторых точках высоты свыше 80 метров.

Вдохновенный труд стакановцев канала, их нерушимая воля родили это решение, этот залог: «Канал будет сделан раньше срока, его построят в четыре года!» Об этом нам говорили на строительстве Белых ворот и директору Виктору, бывшему батраку на рисовых плантациях, ныне бригадир-экскаваторщик, и быв-

На стройучастке «Овидию» экскаватор «Уралец» ведёт выемку грунта.

ший ученик на бухарестских заводах Форда экскаваторщик Драгу Гогу; о стремлении построить канал, о том, что впереди — великая, бывшая присыпка у бояр — стакановца Чокан Елены, и муж её — механик-контролер Оана Вирдис, и бывший слуга турецких кузаков из Сухой долины Ифира Кирет — активист Союза рабочих молодёжи, стакановец, только что избранный членом Центрального Совета профсоюзов РИР.

Новыми смыслами наполнилась жизнь людей, приехавших на канал. Здесь они по-настоящему определили цель своего существования.

Что вы будете делать после окончания строительства канала? — спросил и товарища Ифира Кирета.

— То, что поручит партия. Поеду с монм экскаватористом дальше.

— Куда?

— Пойду, куда: на канал Бухарест — Дунай.

Ифира Кирет горячо и подробно разъяснил мне вопросы проектировки канала в районе Бэрасулу, говорил о профилях будущей трассы, о геологическом составе почвы.

Ония строители мечтают поехать в школы повышения квалификации, а другие хотят остаться на канале, в будущих портах, на цицаках.

Широкие перспективы открываются перед строителями канала Дунай — Чёрное море.

За скалистым массивом трассы канала подходит к озеру Гыд. Здесь строятся мощные дамбы. Воды Дунау поднимут уровень озера на два метра.

Приближаемся к Нэводэй. Издалека ветер доносит до нас необычный гул. По мере приближения гул усиливается. Это море. Мы даже не видим, но уже чувствуем. Испуганные стакановцы могут упасть на море. На море бури. Ради этого засели для нас. Наша машина через Нэводэй устремляется к морю. Проезжаем мимо молодёжного цицака, мимо санитарных водных струй гидроиздигаторов.

Скоро вечер. Невыразимая красота моря в эти часы. Огромной грудью исполиняя взволнованно дышит оно, колыхаясь и уходя в бесконечную даль. Две дамбы, Южная и Северная, гигантскими поисами охватывают море. Здесь ворота, речной порт и морской порт.

Электрическая энергия, 100 тысяч тонн гранита и железобетона на дамбы. Портовые подъёмные краны, впервые изготовленные в РИР, укладывают ступени сорока-пятидесятитонные плиты.

Здесь строится порт Мидия. Здесь через год встретятся пресные воды Дуная с солёной морской.

Здесь будет новый город, первый социалистический порт молодой Румынии.

Я глядел на величественную трассу канала, утопающую в закатных лучах весеннего солнца.

Передо мной расстилалась Чирнэя долина.

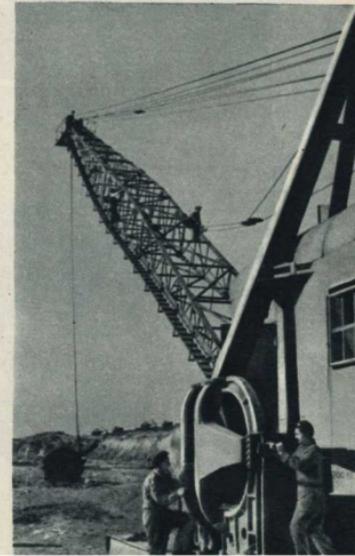
Сочетание этих слов мне показалось странным. Вспыхнули тысячи ламп Ильиана, и весь простор передо мною засверкал, превратился в море света.

Вот она — сегодняшняя Добруджа, Добруджа, за завтрашнего дня!

Чирнэя долина стала долиной света.

Первый с румынского Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Строить канал Дунай — Чёрное море помогает мощная советская техника.

«СЕВЕРНЫЕ ЗОРИ»

Два человека стоят лицом к лицу в сиром дощатом бараке.

Одни — полковник американской армии. Другой — измождённый, с перезаяванной головой русский парень в рваной гимнастёрке. Застыли у дверей рослые солдаты, готовые по первому знаку броситься на пленного красноармейца.

Полковник категорически вёлёт допрос. Сначала послы, уговоры, обещания, затем угрозы. Но ничто не может сломить мужества красноармейца. Полковник с тростью спрашивает:

— Большевики?

— Да! — твёрдо отвечает пленный.

Напряжённая тишина в зале. Большая жизненная правда спектакля захватывает зрителя.

Перед ними проходит встреча матерого американского контразведчика Ларри с молодым красноармейцем Андреем Латкиным в Мульгомском лагере смерти. И Латкин побеждает в этой встрече. Пусть он заключён в страшный лагерь смерти, пусть он голода и избят, всё равно его дух не сломлен. Он спасёт Ларри и всех его подружей.

Интересная, яркая пьеса «Северные зори» написана Н. Никитиной по мотивам своего романа «Северные зори». Поставленная на сцене Государственного академического Малого театра, эта пьеса, повествующая о суровых горах борьбы с американо-английскими интервентами на советском Севере, вызвала большой интерес зрителей.

В пьесе Н. Никитина «Северные зори» с документальной точностью показано истинное лицо интервентов, несших на советскую землю смерть, муки и разорение. В спектакле смело раскрывается облик захватчиков, скрывающихся под «цивилизованной» внешностью подлинно звериную сущность.

Это прежде всего полковник американской контразведки Ларри, капитан Роджерс, это командующий силами интервентов на Севере английский генерал Альфред Сайль. Всех их объединяет одно: неизянность к Стране Советов.

Когда полковник Ларри, наставляя своего подчинённого Роджерса, говорит, что война — это бизнес, перед нами раскрывается типичный образ капиталистического хищника, одетого в мундир американского офицера. Советский зритель знает: образ Ларри не выдуман автором. Он взят из жизни. Много подобных офицеров разгуливали по советскому Северу в

годы интервенции, грабя его богатства, вывозя лес, портное оборудование, машины, захваченные корабли. Общий ущерб, нанесённый советским Северу интервентами, размылся 953 миллионами 359 тысяч золотых рублей. Только американцами было вывезено из Архангельска 304 575 пудов льна, 43 779 пудов кудели, 5 055 пудов пакли. С особым рвением захватчики вывозили пушнину и редкие металлы.

Удивительные, вообразившие Роджерса, пытали, бросали в тюрьмы советских людей, расстреливали и вешали их, подвергали чудовищным пыткам, склоняли дотла посёлки и деревни. Это ими были созданы лагеря смерти на острове Мульдиг и полуострове Июкайн.

В спектакле «Северные зори» показано, чтоевые попытки захвачивания Страны Советов разбились о желанную стойкость и геройизм народа, ведомого партией коммунистов.

Актёры Малого театра создали ряд запоминающихся образов советских людей.

Пожалуй, наибольшая удача театра — это образ Любы, созданый молодой актрисой О. Хорьковой. Люба, как показалось ей Хорьковой, это певица из провинции, закаленная в бурной борьбе. Боечная, зажигательная, умеющая постоять за себя, остро и хладно, умеющая собеседнику — такой представляет перед нами в спектакле Любя. Пройдя с отрядом Фролова боевой путь, она становится опытным, дисциплинированным бойцом. С большим тактом сумела выразить О. Хорьковой чувства Любы, её зародившуюся и окрепшую любовь к красноармейцу Андрею Латкину. В образе Любы раскрывается сильный характер русской женщины, умеющей мужественно перенести несчастье и невзгоды, способной на подлинный геройизм и самоопорожнение.

К удачам спектакля относятся и образ крестьянина Тихона Нестерова, созданный Н. Аникиным. В его исполнении Тихон — это человек, олицетворяющий неистребимую силу народа. Тяжёлые испытания выпали на долю Тихона Нестерова, попавшего в руки американской контразведки. Его пытали, ему выкололи глаза. Но не покорился, не согнулся русский человек! По деревям и селениям, где ослепший Тихон, рассказывает людям правду об интервентах, помогая в меру своих сил подпольщикам.

Даже слепой, Тихон страшен интервентам, они убивают его. Но правду, которую нес на-

роду Нестеров, нельзя убить. Она бессмертна, как бессмертен народ.

Правдивый образ Андрея Латкина создал молодой актёр Е. Матвеев. Он умел передать духовный рост своего героя, его превращение из неспытного бойца, вчерашнего студента, в закалённого большевика, комиссара, партизана. Весьма интересно, что в момент ареста Тихона Нестерова, а также в момент в судьбе Андрея Латкина является его пребывание в плане у интервентов. Жестокость и наездательство захватчиков только заставляли его волю. И вполне закономерно для зрителя эпизод, когда в бараке на острове Мульдиг коммунисты принимают Латкина в ряды партии большевиков: с ним он пойдёт до конца жизни.

Есть среди действующих лиц «Северных зорей» ещё один образ, забыть который нельзя.

Простая русская женщина, мать, жена, единственный учитель Абрамова входит в кабинет американского коменданта Шенкурска полковника Ларри. Она пришла сюда, чтобы узнать правду,ую из американских солдат погибли её дети?

Трудно злить Ларри и его подчинённый Роджерс. Внешне спокойна и сдержанна Абрамова, но мы видим, какими усилиями стоит ей эта сдержанность и спокойствие. В словах этой женщины, обращённых к Ларри и Роджерсу, заключены неизянность и презрение народа к полным интервентам.

Трудно злить Абрамова, но подчинённый Роджерс. Внешне спокойна и сдержанна Абрамова.

Хороший спектакль Малого театра не лишён недостатков. Не все сцены пьесы и спектакля равны по своей силе и выразительности.

Серёзный неудачный драматургия и театра является образ комиссара Фролова.

Фролов, закалённый в боях большевик, комиссар отряда, судьба которого проходит через всю пьесу, должен был стать центральной фигурой спектакля. Этого не случилось. Фролов в исполнении Е. Рябинина не показал своего характера, его выразительность. Опытные актёры — народный артист СССР М. Жаров, заслуженный артист РСФСР И. Либоев — и постановщики не сумели преодолеть схематичность этого образа.

Однако, несмотря на отдельные недостатки, «Северные зори» на сцене Государственного академического Малого театра — спектакль большого патриотического звучания.

В. АРХИПЕНКО, В. ПОПОВ

Мое село

ВЬЕТНАМСКАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

Где бамбук встаёт стеной,
там, где лес кругом,
там цвело село родное,
милый отчий дом.

Там река была светла,
там весна была тепла,
там в тени граукарий
мирно жизнь текла...

Но французские солдаты
всё разорвали в село,
всё растоптали, всё смыто
там где всё цвело.

Здесь разрушен каждый дом,
здесь пожар и смерть кругом,
и пошли мы в партизаны
 сразу всем селом.

Междуд зарослей бамбука,
по тропам лесным
мы, как тень, скользим без звука —
за врагом следим.

Мы отчизны смыши зов!
Каждый, каждый истина готов!
Мы оружье добываем
у самих врагов.

И лежат враги в молчанье,
не встают с земли,
где моя одиссея начнёт
их подстерегать.

Знаем мы пора придёт,
и вновь селенье расцветёт,
за покой, за мир, за волю
бъётся наш народ!

Перевод
С. БОЛОТИН.

Фото М. Боташева,
А. Вурдукова и В. Гребенева

Лето пришло

МЕТАТЕЛИ МОЛОТА

Одним из интереснейших видов лёгкой атлетики является метание молота.

По преданиям, этот вид спорта зародился среди кузнецов, которые, бросаясь орудие своего производства на дальность, выясняли этим самым, кто из них сильнее. С годами

снаряд претерпел ряд изменений: молот заменил металлическим шаром, а деревянная ручка — целью.

Общая длина снаряда — 122 сантиметра, вес — 7,257 килограмма.

Как же производится метание молота?

Становясь в круг, спортсмен раскручивает снаряд над головой, а когда снаряд набирает скорость, метатель совершает с ним два-три поворота, после чего уже выпускает его из рук.

Со снарядом летят молот.

У хорошего метателя он пролетает обычно более 50 метров.

Еще совсем недавно у нас этим видом метания занимались не более десятка энтузиастов. Никто не был уверен в их достижениях.

Сейчас никого уже не удивишь бросками даже на 55 метров.

Если раньше считалось, что молот далеко метать могут только высокие, массивные люди, то сейчас мы видим, что и не обладающие такими качествами спортсмены успешно спродаются с этой задачей.

В прошлом году чемпионом и рекордсменом страны стал минский комсомолец Михаил Кривоносов, который незадолго до этого стоял в списке метателей на сорок четвёртом месте. Нынешний рекорд Кривоносова является третьим результатом в мире и равен 60 метрам 51 сантиметру. По пятым же за Кривоносовым следуют киевлянин Георгий Димитров, керчанин Николай Борисов, борчанин Николай Шорин и ставропольчанин Александр Константинов. Молотов и рижанин Альберт Путанс.

В развитии этого вида спорта решающую роль сыграл опыт метателей старшего поколения. Заслуженный мастер спорта ашхабадец Сергей Ляков, ленинградец Александр Шефтель и киевлянин Александр Канаки, борясь за высокие результаты, улучшая рекорды страны, совершенствовали технику, создавали советскую методику обучения.

Сейчас молодому спортсмену, решившему научиться далеко метать молот, не нужно задумываться над тем, как приступить к тренировке, с чего начинать.

Метание молота — замечательное средство разностороннего физического развития. Не случайно мы занимаемся и бегуны, и прыгуны, и борцы, и штангисты.

ПРИЖОК С ШЕСТОМ

Увлекательный и красивый вид спорта — прыжки с шестом.

Высоко над головой протянулась трёхгранная пластина.

Вот один из атлетов выходит на дорожку. Держка перед собой шест, он начинает разбег.

Перед самой планкой спортсмен с разгоном вставляет шест в специальное углубление, и точно какая-то неведомая сила вдруг потянула его вверх. Неуловимое движение — и прыгун над планкой.

Лишь перейдя через планку, спортсмен отталкивается руками от шеста и с четырёхметровой высоты опускается на рыхлый песок.

Бурные аплодисменты нарушают тишину.

— Четыре метра 20 сантиметров! — объявили судьи.

Это выше одинарственного дома!

Четыре прыжки! — Пётр Денисенко, Владимир Брагин, Борис Суварев и Владимир Гладченко — преодолели такую высоту.

Лучше всех, с меньшим количеством попыток, этого результата достиг комсомолец Владимир Гладченко.

Гладченко 25 лет, он студент 3-го курса Ростовского педагогического института. Спортом занимается всего пять лет, а прыжками с шестом и того меньше. В сезоне 1950 года его лучший прыжок равнялся 3 метрам 90 сантиметрам. Этой весной Гладченко стал лучшим прыгуном профсоюзов, добившись хорошего результата — 4 метра 30 сантиметров.

В прошлом году результат выше 4 метров 15 сантиметров показали однаждцать спортсменов, а четырёхметровую высоту взяли более двадцати атлетов.

Любопытна история развития этого вида лёгкой атлетики в нашей стране. Сорок лет назад впервые отдельные атлеты пробовали свои силы в прыжках с шестом. Первый рекорд советских прыгунов равнялся 3 метрам 34 сантиметрам. Семнадцать лет понадобилось для того, чтобы поднять потолок рекорда до 4 метров.

В борьбе за первое место каждый из прыгунов вкладывал в общее дело частичку своего опыта. Это не замедлило отразиться на общем уровне достижений.

В 1939 году рекорд СССР, который одновременно стал и рекордом Европы, был уже разбит 4 метрам 30 сантиметрами. Его установил Николай Озолин.

Наша молодежь спорта всегда стремилась передать свои знания и опыт молодёжи. На состязаниях передко можно видеть, как новичок, получив совет мастера, тут же значительно улучшает свои достижения.

Б. КОСВИНЦЕВ

ФЛАГ ПОДНЯТ

В Ташкенте на стадионе «Динамо» был поднят флаг открытия летнего спортивного сезона.

Фото Г. Перменина.

На стадионах, на спортивных площадках Узбекистана висела молодёжь, чтобы открыть свой традиционный праздник — дни открытых лёгкого спортивного сезона.

Минувший год был полон успехов для физкультурников и спортивных любителей. Более 30 тысяч юношей и девушек получили спортивные разряды, на 140 тысяч человек увеличилась армия значимости.

В таблицах рекордов республики было внесено 176 поправок. Спортсмены Узбекистана завоевали первенство на спартакиаде республики Средней Азии в Казахстане.

Первые же состязания в этом году показали, что узбекские физкультурники не теряли времени и потаённо готовились к упорным боевым встречам на белогорской дорожке, на тренажёрах лёгкой атлетики и баскетбольных площадках, на футбольном поле...

В Ташкенте на стадионе «Динамо» был поднят флаг открытия летнего спортивного сезона.

На звездном поле висели флаги физкультурников, команды республиканских областей, городов и областных центров, призы городского юношеского физкультурного спорта.

Самые сильные команды, распустившие олимпийские ленты на всех стадионах республики со спринтерами, бегунами, легатами, прыгунами, волейболистами, боксёрами, теннисистами, городошниками, шашечниками, шахматистами.

А по улицам Ташкента мчались велосипедисты, борясь за первое место в гонке на двадцать километров.

Эрзинчи следили за ходом состязаний, переносили за своих любищиков.

И весёлые голоса, и шутки, и смех — всё говорило о том, что наинонецко наступила горячая спортивная пора!

НЕТ, ОНА НЕ ПРИВЫКЛА!

ПИСЬМО ИЗ ДЖАЛАЛ-АБАДА

Айзада задержалась у своей двери: не хотелось заходить в тёмную, дымную комнату.

Утреннее солнце золотью вернуло блеск снежных гор, и лучи его скользили по салюкам к подножью, где раскинулось селение Маркай.

По тропинке, которая чёрной лентой вилась между уступами скал, двигались всадники.

«Сядьба едет» — мелькнуло в голове Айзады. Когда всадники пороняли из неё, Айзада удивила, что дружка вёл за узелку белую лошадь, поминутно оглядываясь на женщина с невестой и что-то весело им говорил. Жених — молодой, рослый юноша в высокой шапке, отороченной соболем, — сидел рядом с невестой. Девушка была красива. Её лицо, губы выражали радость.

Шествие уже спускалось с выступом скалы, а Айзада, прислонившись к коску деревя, вёс стояла в задумчивости. Она вспомнила, как её выдвинули замуж. И от воспоминаний сердце её сжалось до боли.

— Айзада! — Грубый окрик вывел её из задумчивости.

Она распахнула дверь и быстро вошла в комнату.

...Приблизив в очаг уголь, она выпала во дверь. Выбежала из сарая корову, полюбила ей свежего сена, вычистила скамейку внутри погреба, подвешенного куп в приеле с двери. И опять стала ждать от проезжавшей сядьбы. После шкем Айзады потекли крупные слёзы. Утинася лицом в колени, молодая женщина приглушённо всхлипывала.

От удара по плечу она подняла голову. Рядом стояла матуха, Кыргызбай, Туруда. Она посмотрела на Айзаду злыми, хитрыми глазами и, дернув ей за косы, приказала испечь лепёшки.

Айзада замесила тесто, затопила танырь, накинула платок, спустилась к реке за водой. Нести воду в гору было тяжело, и когда Айзада остановилась у дома, она почувствовала, что у неё ру-

ка опнемела. Но уже послышался голос старой Туруды:

— Айзада! Айзада!

...Когда горячие лепёшки начали плавиться, пришёл Кыргызбай. Считалось, что он работает в колхозе кузнечом, но Айзада знала, что днём он асептился в институте, а гости, почти всегда пыль. Киргизбай опустился на колени. Он никогда не разговаривал с женой. Но его жгущие глаза неоступно следили за ней, и она от этого взгляда чувствовала себя скованной. Торопливо раскинувшись на скамье, скатерть из цветного ситца, она положила на неё лепёшки, поставила молоко. Встав у стены, она ждала, что ей скажет муж. Но он молча сидел. Айзада уже привыкла видеть, как он ест один, молча, и ни разу у неё не возникло желания сесть с ним рядом, нарушить молчание.

Поехав Кыргызбай ушёл к соседям, а Айзада скошила сапоги, запахнула громко, безуспешно от горячей обиды на своего мужа, на свою нерешительность и робость, на то, что она смирилась со своим уничижительным положением в доме Кыргызбая.

Айзада училась в семилетней школе имени Токтогула Сузаукской губы. Училась хорошо. Никогда не стояла молча у доски. Её любили и подруги и преподаватели. Айзада хотела быть учительницей, такой, как Мария Ивановна. Она во всём подражала Марии Ивановне. С Марий Ивановной школьники ходили на экскурсии, собирали лакированные травяные гербарии. А осенью всем классом помогали колхозникам собирать яблоки с деревьев, и колхоз всегда первенствовал в вывозе яблок. В выходные дни пионеры садили в район и смотрели книжкорынты.

О чём-то большим, хорошем мечтала Айзада, и ей помогала мечтать и верить в это хорошие её любимые учительницы Мария Ивановна Волкова.

Сколько волновалась Айзада перед экзаменами! Сколько пришлось вложиться труда, чтобы все предметы сдать на «хорошо» и «отлично»! И вот последний экзамен уже позади. Айзада Матиева перешла в восьмую класс и должна была жить в интернате Джалал-Абадской средней школы.

Хоровой комитет считалась компанией, где старостой была Айзада. Девушки, живущие здесь, были все комсомолки. Они первые стали бороться за отечественную успеваемость в классе, начиная с пускать стендгазету «Комсомолка».

Однажды в субботний вечер, когда Айзада уже приготовила уроки, собираясь лёг спать, в комнату вошла дежурная по институту и сказала:

— Айзада, к тебе приехал родственник, он ждёт тебя в дежурной комнате.

С тяжёлым предчувствием вошла Айзада в дежурку. Там за столом сидел Джанбай — сосед.

— Что-нибудь случилось? — спросила Айзада.

— Надо ехать домой: Гапар сильно болен. Лошадь и тебе уже досталась, завтра поедешь.

Гапар был братом Айзады, и она ночью долго не могла заснуть, всё ждала, когда же наступит утро. А утром наступало медленно и нехотко.

Ещё было совсем темно, когда они выехали из города. А когда первые лучи солнца коснулись земли, город оставался далеко позади. Джанбай затянул грустную киргизскую песню и ехал, раскачиваясь в такт шагу лошади.

Много часов Айзада была в пути. И когда уже ступало смерть, лошади остановились у дома. Из комнаты вышли мать, отец и брат Саадар. Оказывается, он был очень здоров. Мать повела Айзаду к соседям. Им собрались женщины из аула. Все они стали говорить, какая Айзада будет хороший муж. Девушки начали плакать. Но калым был уже уплачено, и Кыргызбай

этой же ночью решил устроить свадьбу. Айзада захотелось бежать отсюда. Но куда уйдёшь? Кругом горы. Да и всё равно ей низведут. Невесту одели в новое платье, нарядили красивым платком.

Хорошо, что на свадьбу принял директор школы Касымов с секретарём комсомольской организации, замучев, с учительами. Садыба была расстроена. Навесили акт. И отец Айзады дал расписку, что он не отдаст свою дочь замуж, Айзада, накрытая платком, спала у соседей. Перед самым утром, когда все селились спать, Кыргызбай украл Айзаду. Так она стала женой Кыргызбая.

Вся работа свалилась на плечи молодой жены: стирать бельё, печь хлеб, готовить обед, дотирать корову. Но ко всякой работе могла привыкнуть Айзада, не привыкла она только к Кыргызбако, седце ей было переполнено невинностью к нему.

Сколько раз перед сном, когда она снимала с ног напоследок, бежать из этого дома!

— Ничего, привыкнешь, — говорил отец.

Ничего, доченька, привыкнешь, — со слезами на глазах говорила ей мать.

А когда люди из города спрашивали Кыргызбая, почему его жена не садится с ними за стол, он отвечал:

— Она так привыкла.

Но не привыкла к этому Айзада и не привыкнет. Она живёт в Советской стране, где женщина имеет равные права с мужчиной. Надо защищать комсомолку, с жизнью которой так жестоко расправились её родные, ещё не забывшие прошлые обычай прогулого. Гневное осуждение заслоняло лицо племени мухай Айзады Кыргызбая. Девушки пытаются объяснить только тем, что погоды в Джалал-Абаде борются с феодально-байским пережитками.

Эрина ТУТЕЛЬБАЕВА

КНИЖНАЯ ПОЛКА

О советской молодёжи, о её высоких духовных качествах, о её любви к труду рассказывал книга М. Романова «Огнёвцы», выпущенная недавно издательством «Молодая гвардия».

Строфы пятитысячек требуют много пересортичной древесины. Самоотверженно трудятся лесорубы. Но рабочих ру не хватает. И тогда в лес приходит новое пополнение — молодёжь, комсомольцы.

В книге просто, поэтично показан радостный труд советских людей, верно смытые черты, типичные для советской молодёжи.

Глубоко симпатичен главный герой повести Вадима Русских — трудолюбивый, целеустремлённый юноша.

Теме дружбы посвящена новая повесть Влада Курочкина «Строители мира», выпущенная Трудздериздатом.

Герои повести — подростки. Читатель видит, как важна для молодёжи настоящая, основанная на требовательности к себе и другим дружба. Такая дружба помогает расти, становиться лучше, красивее.

В повести ребята дружат не только со сверстниками. Большая дружба у них существует со взрослыми, которые учат молодёжь, наставляют её на правильный путь.

Автор затрагивает в книге также целый ряд вопросов, связанных со всемобщим политической и технической образованностью.

«Легкий экзамен» М. Песликя и В. Николаева. В этой книге, изданной «Молодой гвардией», рассказывается о борьбе противсивного студенчества за мир.

Страница за страницей книга повествует о деятельности Международного союза студентов, отстаивающего вместе со Всемирной феде-

рацией демократической молодёжи права миллионов юношей и девушек.

Авторы собрали также разносторонний фактический материал о жизни и деятельности группы удачно удачной буржуазной высшей школы, о недоступности образования для широких масс трудающихся в капиталистических странах.

В книге представлено много фотоснимков, наглядно иллюстрирующих жизнь студентов различных стран.

Чудесно выступила книга «Городской пионерский лагерь», созданную коллектиком работников Дома пионеров Кировского района города Москвы.

В книге рассказывается о многообразных формах летней работы с детьми в городских условиях. Авторы делятся опытом организации городских летних пионерских лагерей.

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера Л. Абрамова

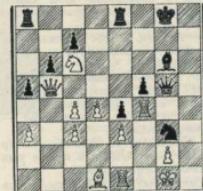
ПЕРЕКРЫТИЕ

Среди многочисленных тактических приемов, применяемых в шахматах, одним из наиболее эффективных является так называемое перекрытие. Сущность его заключается в том, что одна из сторон перекрывает линию действия какой-либо неприятельской фигуры.

Рассмотрим такой простейший пример (белые: Кра2, Себ5, пат):
Белые: Кре1 ладья, конь, ферзь, пешка, король; Чёрные: король, конь, ферзь, пешка. Белые: Кре1 ладья, конь, ферзь, пешка, король; Чёрные: король, конь, ферзь, пешка. Белые: Кре1 ладья, конь, ферзь, пешка, король; Чёрные: король, конь, ферзь, пешка. Белые: Кре1 ладья, конь, ферзь, пешка, король; Чёрные: король, конь, ферзь, пешка.

Однако белые могут выиграть. Ходом Себ5–б8 они перекрывают коня и ферзя соперника, а также неприятельской ладью и обеспечивают превращение своей пешки в ферзя.

В позиции, изображенной на рисунке, встречаются обычно в более сложной форме. Рассмотрим например, положение из партии Рубцова—Белова, игравшем в VI чемпионате СССР (1945 год).

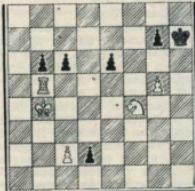

Сейчас белые должны сделать 31...Л14–б4, ходом, сразу вынуждающим чёрного короля («пропитанной удара»), используя при этом связку пешки и коня. Капюшон белых: конь, ферзь, пешка, король. Но белые находятся блестящее продление 31...Кре5–ед1+, основанное на идеи перекрытия. Если белые откажутся от коня, то пешка не может ладьей (32...Л1:ed2), то перекрытие линии действия слоном и ладьей оказывается бесполезной.

Ф. ЗОРИН

В партии последовало 32...С:е2. Но теперь перекрыта ладья е1. Белова ответила 32...Ф:е7+ избавила от связки пешку б5 и следующим ходом выиграла ладью.

Разберём теперь этот Л. Кубеля.

В этом положении белым надо выигрывать, а чёрные угрожают превратить пешку в ферзя. Начало решения очевидно: белые стараются создать углуку матом: 1. г6+ Кре2 2. Л:е6+ Кре1 3. Кре5–ед1+.

Оказывается, путём 3. Кад5 чёрная пешка грозит матом. Если 3...Кре1 то конь задерживает пешку. Следовательно, жертву надо принести на подставку. Белые продолжают 4. Кре3 41# 5. Крей и чёрные могут спастись от маты, лишь соглашаясь на пропитание ладьёй ферзем: 6. Ф:е6+ Кре2 7. Л:е8+ Ф:е8 8. Кр:с6.

Ходом 3. Кад5 белые обеспечили перекрытие линии действия будущего ферзя чёрными.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ И ЭТЮДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В «СМЕНЕ».

№ 22

Задача 1. А. Тусева (мат в 2 хода)

Задача 2. Бирюса (мат в 3 хода)

Этюд из книги А. Петрова (мат в 1 ход)

3. Кес5–ед1+ 4. Кре1

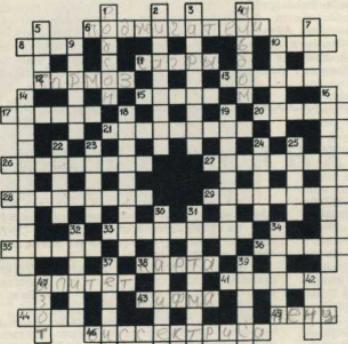
5. Крс3.

КРОССВОРД

Составил С. Коваленко (г. Почеп)

По горизонтали:

- Известный ингридиент первых пирогов. 2. Солнечность, характеризующая овощи и литературу народа. 3. Прибор для вычерчивания квадратов и квадратов квадратов. 4. Кинга, тетрадь в переплете для стиков, рисунков и композиций. 5. Историческое азиатское вещество. 7. Рейн в Сибири. 9. Единица работы алгоритмиста. 10. Слово, обобщающее высокосложные электрические сопротивления. 14. Ученые, изучавшие распространение болезней. 16. Основное вещество яиц и животных и растительного организма. 18. Русский писатель. 19. Род ников. 22. Химический элемент 23. Страна, где живут со зверюшкой. 24. Украинская народная пляска. 25. Не самодельные грошки. 27. Гарнитура. 30. Герой композитор. 31. Прибор, определяющий содержание воды в молочных продуктах. 34. Сорт циппендорфского масла. 37. Логическое обобщение, опирающееся на принципы логики. 39. Оптическое стекло. 40. Газ. 42. Навес для защиты от солнца, дождя.

- Роман Н. Шаповалов.
- Задача № 2. Компьютерная замка с диджитами и электродами. 10. Город в Калининской области. 11. Курорт. 12. Применение в производстве и ремонте аккрепления движущихся частей механизма. 13. Пища. 15. Ренев в СССР. 17. Гурзуфская машина. 20. Вид литературного произведения. 21. Русский инженер, построивший первую в России чайную фабрику в Астрахани. 26. Прибор, служащий для какого либо измерения. 27. Марка изображения на банкнотах. 28. Общее собрание организаций. 29. Румынский писатель. 33. Драгоценный камень. 35. Гасящий свет, при котором об обращающей к глазу наблюдателя. 36. Великий азербайджанский поэт. 37. Герой советской прозы. 38. Герой романа Т. Семашко. 41. Столица Созинии. 43. Созвучие слов, состоящее из одинаковых строк. 44. Шелковое кристаллическое вещество. 45. Русский учёный-физик. 46. Прамаха, делающая полозам.

СМЕНА
В номере:

Ю. В. Бабико — Лена Бурлакова

А. Одинцов — Лещица. В. Соколов — Майская ночь. Стихи.

А. Лёвшин и — Мещера (из цикла стихов). К. Кобзев — Шестнадцатая весна.

Н. Старшинов — Дружба. Стихи.

Л. Фёдорова — Поруги. В. Потапчик и — В родных краях (отрывки из поэзии). А. Ефимова — Библиотека имени В. И. Ленина.

Стихи С. Ман и Ира. Фахри Эрдинчи — Синий повозка. Рассказы.

Л. Смирнов — Волтер. В. Георгий Майореску — Долина света.

В. Архипов, В. Попов — «Северные зори». Мой склад — Северо-западная партизанская поэзия.

Дело пришло — фотография.

В. Косвинцев — Метатели молоты. Пряник с шестом.

З. Тугельбаева — Нет, она не исчезла! (Письмо из Джадаль-Абада). Индийская полина. Шахматы.

На первой странице обложки: Фотограф Г. Воробьев.

На четвёртой странице обложки: Перед сессией. Фото А. Моклецова.

Оформление номера В. Урина.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 33-24.

Изд. № 402.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Степина. Москва, ул. «Правды», 24.

Редакция: В. Акаев, Г. Гулина, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Конюхова, М. Луконин, А. Никонов.

Подписано в печать 14/IV 1953 г. Заказ № 1121.

Формат бумаги 70 × 108%. 1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Тираж 120 000 экз.

Фото В. Гребенева.

